



Преподобный
НИЛ СИНАЙСКИЙ

О ВОСЬМИ ЛУКАВЫХ ДУХАХ



**Преподобный
Нил Синайский (Анкирский)
П. К. Доброцветов
«О восьми лукавых
духах» и другие
аскетические творения**

ABBY FineReader 11

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5629739

*«О восьми лукавых духах» и другие аскетические творения / Сост.,
предисл. П. К. Доброцветова. : Сибирская Благовонница; Москва; 2013
ISBN 978-5-91362-711-7*

Аннотация

Преподобный Нил Синайский (Анкирский) (f около 430) – ученик свт. Иоанна Златоуста и великий отец Синайской пустыни. В книге помещены его нравственно-аскетические произведения: «О восьми лукавых духах», «О том, что пребывающие в безмолвии в пустынях преимуществуют перед живущими в городах», «Увещание к монахам», «Мысли, которые человека отводят от тленного и прилепляют к нетленному», «Главы увещательные», «Об учителе и учениках». Преподобный Нил Синайский вслед за Евагрием Понтийским развивает известную классификацию восьми основных греховных

помыслов (страстей): чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие и гордость. Его тонкий аскетико-психологический анализ этих страстей помогает христианину успешно бороться с ними и совершенствоваться внутренне, что делает книгу полезной как для монашествующих, так и для самого широкого круга православных читателей.

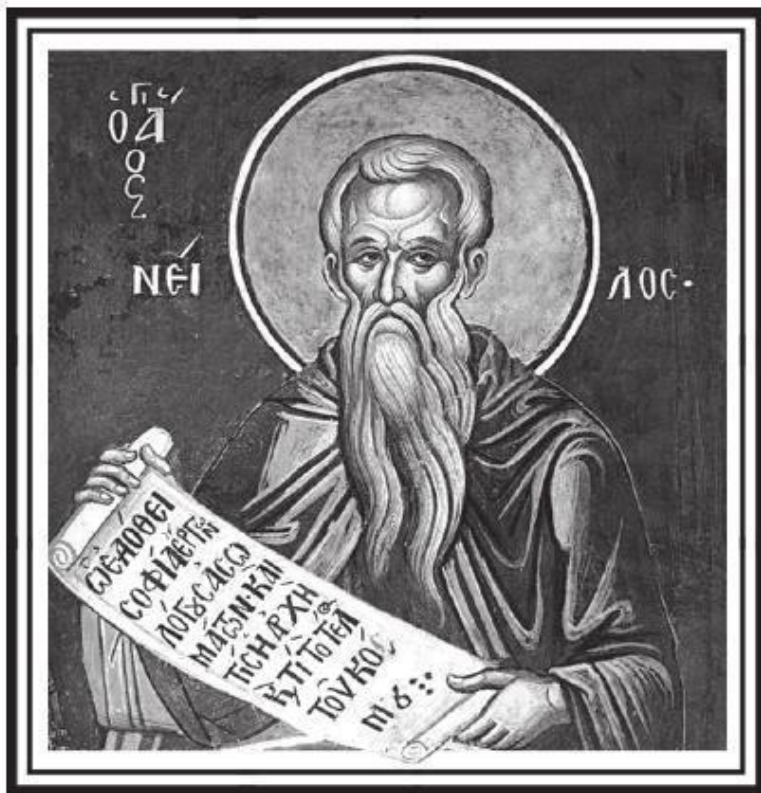
Содержание

Предисловие	9
Преподобный Нил Синайский	20
1. О чревоугодии	22
Глава 1	22
Глава 2	23
Глава 3	24
2. О БЛУДЕ	26
Глава 4	26
Глава 5	27
Глава 6	28
3. О сребролюбии	30
Глава 7	30
Глава 8	31
4. О гневе	33
Глава 9	33
Глава 10	34
5. О Печали	36
Глава 11	36
Глава 12	37
6. Об унынии	39
Глава 13	39
Глава 14	40
7. О тщеславии	42

Глава 15	42
Глава 16	43
8. О гордости	44
Глава 17	44
Глава 18	45
Глава 19	46
Преподобный Нил Синайский	47
Глава 1	50
Глава 2	52
Глава 3	54
Глава 4	55
Глава 5	57
Глава 6	58
Глава 7	59
Глава 8	61
Глава 9	63
Глава 10	65
Глава 11	67
Глава 12	69
Глава 13	71
Глава 14	73
Глава 15	75
Глава 16	77
Глава 17	78
Глава 18	80
Глава 19	82

Глава 20	84
Глава 21	86
Глава 22	88
Глава 23	90
Глава 24	91
Глава 25	93
Глава 26	94
Глава 27	96
Комментарии	127

**Преподобный Нил
Синайский (Анкирский)
«О восьми лукавых
духах» и другие
аскетические творения**



Рекомендовано к публикации Издательским Советом Русской Православной Церкви ИС 13-220-1729

Публикуется по: Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1–2. М., 1858 (Творения святых отцев, в русском переводе, издаваемые при Московской духовной академии; т. 31–32). С. 201–222, 246–256, 197–232.

Предисловие

Преп. Нил Анкирский, также именуемый Нилом Синайским и Нилом Постником, – великий подвижник, святой отец Церкви IV–V веков, столь известный, что его именем еще в древности стали подписывать даже не принадлежавшие ему произведения. Память Нила Синайского в Православной Церкви празднуется 12/25 ноября.

Сведения о преп. Ниле весьма отрывочны, поэтому некоторые ученые даже выдвигали гипотезы о том, что преп. Нилов было два: один – автор во многом биографического «Сказания об избиении монахов на горе Синайской и о пленении Феодула, сына Нилова», а другой – автор большого корпуса писем, а также трактатов о монашеской жизни и комментария на Песнь песней. Именно второму Нилу и были впоследствии приписаны сочинения, написанные несколько ранее Евагрием Понтийским¹. Впрочем, вопрос о справедливости подобных предположений остается до конца не решенным, а потому на основании древних церковных свидетельств и сохранившихся творений под именем преп. Нила мы вкратце опишем жизненный путь этого святого отца как одной исторической личности.

Византийский историк Георгий Амартол в своей «Хрони-

¹ См.: Neilos of Ankyra //The Oxford Dictionary of Byzantium. Vol. 2. New-York; Oxford, 1999. P. 1450.

ке» в середине IX века причисляет преп. Нила к числу учеников свт. Иоанна Златоуста (355–407), архиепископа Константинопольского, наряду со святыми Проклом Константинопольским, Палладием Елленопольским, Марком Подвижником и Исидором Пелусиотом². Свидетельствуют об этом святом отце и некоторые другие исторические источники: Константинопольский синаксарь, историки Георгий Кедрин и Никифор Каллист. Как видно из писем самого преп. Нила, до конца своих дней он глубоко почитал память своего учителя Иоанна Златоуста и в одном из писем даже отказывается в молитвах о столице самому императору Аркадию, считая произошедшие с городом бедствия следствием несправедливого судилища над Златоустом.

Некоторые современные историки считают, что преп. Нил назван Анкирским, потому что родился, вырос и провел подвижническую жизнь в Анкире – в Малой Азии. Впрочем, можно сказать и так: Нил родился и вырос в Анкире, а затем удалился в Синайскую пустыню³, потому и именуется Синайским.

Преп. Нил родился в богатой семье где-то в 340–350 году. Получив прекрасное образование, стал епархом или префектом столицы – Константинополя. Монашество принял около

² См.: *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. Дисс. канд. по богословию. Машинопись. Сергиев Посад, 1999. С. 7.

³ *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. Дисс. канд. по богословию. Машинопись. Сергиев Посад, 1999. С. 8.

390 года, а скончался приблизительно в 430 году. «В миру святой Нил был женат и имел двух сыновей, но стремление к уединению и подвижнической жизни все больше и больше возрастало в его боголюбивой душе. Оно заставило Нила оставить высокую должность префекта и семейную жизнь», что, впрочем, произошло не без тяжелой внутренней борьбы. С одним из своих сыновей, Феодулом, он отправляется на Синай. Жена же преп. Нила удалилась в один из египетских монастырей»⁴.

По словам священномученика Серафима (Звездинского), жизнь синайских «монахов-отшельников рисуется у преп. Нила возвышенными, идеальными чертами. Отшельники обитали на Синайском полуострове, полном самых священных воспоминаний. Здесь некогда возгорелся чудесный огонь купины, привлечший своей необычайностью Боговидца Моисея; здесь этот великий муж при трубных звуках, среди блеска молнии и раскатов грома созерцал Иегову, внимая Его Божественным предначертаниям (Исх. 3:19). Сюда некогда от злых козней Иезавели пришел великий пророк Израильский, вдохновенный Илия... где в гласе хлада тонка пророк узрел Бога (3 Цар. 19). Живя в стране этих двух великих ветхозаветных подвижников, отшельники подражали и их добродетелям, поучаясь их некичливости. В тихом безмолвии, вдали от всякого мятежа они работали над самими

⁴ *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. Дисс. канд. по богословию. Машинопись. Сергиев Посад, 1999. С. 11–13.

собой, очищали свою душу, дабы соделать ее способной входить в содружество с горним миром, возвести ее на степень постоянного созерцания Божества... Духовная, внутренняя красота отшельников всецело отражалась и на их внешнем быте, который был копией жизни внутренней. Нужно заметить, что отшельники жили двоякого рода жизнью. Подземелья и пещеры служили жилищем для одних, построенные хижины для других... Но и при жизни в хижинах во всей своей силе сохранялся основной принцип отшельничества: строгая обособленность друг от друга, полнейшее уединение. Отшельнические хижины располагались одна от другой на расстоянии 20 стадий (около 3 *Vi* верст и более)... Трогательную картину должны были представлять собой общие собрания отшельников в воскресные дни, когда все они из своих хижин и пещер стекались в одну церковь, приобщались здесь Божественных Таин, услаждая здесь друг друга упражнением в приличных беседах, умащая один другого нравственными советами. Кроме того, отшельники участвовали вместе в ночных бдениях, которые у них отличались большой продолжительностью и заканчивались уже к глубокому утру»⁵.

Около 410 года на монашеское поселение напали варвары. Убив некоторых братьев, других они пленили и, отведя к себе, готовились принести в жертву языческим богам или продать. Среди пленников оказался сын преп. Нила Феодул.

⁵ *Серафим (Звездинский), архим.* Иноческий быт в описании преп. Нила Синайского. Оттиск из журнала «Голос Церкви». М., 1915. С. 4–6.

Оставшийся на свободе преп. Нил делал все, чтобы спасти сына, и Господь внял его горячим молитвам: не дал варварам возможности убить Феодула, принеся его в жертву, — он был продан в рабство, затем выкуплен христианским епископом и в конце концов найден преп. Нилом. Выкупивший Феодула епископ рукоположил отца и сына в священный сан и отпустил с миром обратно в пустыню к монахам, где преп. Нил продолжил свои подвиги.

После кончины преп. Нила его тело император Юстин Младший (правл. 565–578) перенес в Константинополь в храм Святых Апостолов, откуда впоследствии останки святого отца были перевезены на Афон⁶. Уже участники VII Вселенского Собора упоминали о преп. Ниле как о «святom и славном отце».

Среди произведений Нила Анкирского исследователи выделяют три группы: подлинные; те, которые можно приписать Нилу Анкирскому с долей сомнения; лишь надписанные его именем, но не принадлежащие ему. Творения преп. Нила сохранились на греческом, сирийском и других языках. Большая часть творений на греческом языке была издана в XIX веке в «Патрологии» Миня. На русском языке эти произведения появились в серии «Творения святых отцов в русском переводе»⁷, а некоторые были переведены свт. Фе-

⁶ *Савва (Лесных), иером.* Учение преп. Нила Синайского о добродетелях. С. 19.

⁷ Творения преподобного отца нашего Нила, подвижника Синайского. Ч. 1–2. М., 1858; Ч. 3. М., 1859 (т. 31–33 серии ТСО). В нашей книге это издание

офаном

Затворником и напечатаны в «Добротолюбии». Для предлагаемого читателю издания взяты следующие творения.

«О восьми лукавых духах» (более точный перевод: «О восьми духах лукавства», «О восьми духах злобы») – трактат, имеющий своим предметом различение восьми главных греховных страстей или тяжких грехов: чревоугодие, блуд, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость. В IV веке идея восьми главных грехов была распространена в монашеской письменности. Об этих грехах писали свои трактаты преп. Иоанн Кассиан Римлянин и Евагрий Понтийский. Эти грехи «были названы главными грехами не только потому, что они тяжкие, но и потому, что они способствуют росту прочих грехов»⁸. Особо стоит отметить категорический запрет преп. Нила на близкое общение лиц монашеского звания с лицами противоположного пола (главы 3–7), так как это ведет к мысленным и нравственным падениям и, следовательно, к духовному «регрессу» монашествующих.

Произведение «О том, что пребывающие в безмолвии в пустынях преимуществуют пред живущими в городах, хотя многие из неопытных противного сему мнения» посвяще-

сокращенно обозначено как ТНС.

⁸ Quasten J. Patrology. Vol. 3: The Golden age of Greek Patristic Literature from the Council of Nicaea to the Council of Chalcedon. Westminster, 1986. P. 501. С.А. Зарин считает «более правдоподобной гипотезу о *постепенно-коллективном* происхождении схемы, если не подробностях, то в самой идее и общих очертаниях» (Зарин С.Л. Аскетизм по православно-христианскому учению. М., 1996. С. 315).

но безмолвию (исихии) как неотъемлемому элементу идеала истинной монашеской жизни. Здесь преп. Нил защищает идеал исихастского монашества от упреков в бесполезности и «неэффективности» со стороны предпочитающих монашескую жизнь в городских монастырях, в миру и дает прочное аскетическое обоснование своей позиции. По словам прот. Георгия Флоровского, «преп. Нил писал в эпоху монашеского упадка. В его творениях резко звучит обличительный мотив... Нил прежде всего напоминает о смысле и безусловности монашеского отречения. Это есть выход из городской, “политической” жизни. Это есть евангельская “беззаботность”, в надежде на милость и щедрость Божию – отказ и забвение о житейских заботах»⁹. Преп. Нил красноречиво возражает поборникам служения монахов в миру: «И почему иные почитают наиболее достойными тех, которые полезны для других, нежели тех, которые в добродетели полезны для себя? Мне кажется, что они непременно похвалят того, у кого горит дом и все имущество в доме объято пламенем, а он, послушавшись убеждения друзей, идет с ними для сватовства или для предстательствования [за кого-то], потому что потребность друзей признал более достойною предпочтения, нежели прекращение пожара в доме; и в таком случае окажут уважение тому, кого рассуждающие здраво должны заподозрить в умоповреждении и безумии». Тем самым преп. Нил побуждает не увлекаться монашествующих

⁹ Флоровский Г.В. Восточные отцы V–VIII веков. М., 1992. С. 166.

мнимым человеколюбием (как сейчас говорится, «социальным служением»), в ущерб душе отвлекающим ум от собственного спасения и подающим поводы ко греху. А такое спасение лучше всего, по его мнению, обретается как раз посредством безмолвия и удаления от мирского многолюдства, в чем и состоял древний монашеский идеал. «Жизнь в пустыне ведет к нераздельному единению с Богом, так как защищает от опасностей, происходящих от мира»¹⁰. Евангельским подтверждением предпочтительности безмолвия считается предпочтение Господом Марии перед Марфой. Оба вышеупомянутых произведения исследователь И. Кастен относит к числу подлинных творений преп. Нила Анкирского.

В книге также помещены собрания сентенций – кратких высказываний на аскетические темы: «Увещание к монахам», «Мысли, которые человека отводят от тленного и прилепляют к нетленному», «Главы увещательные», восемь сентенций, изданных Суаресом и отдельно помещенных в «Патрологии» Миня, несколько высказываний, которых нет в издании Миня, но которые добавлены в дореволюционное русское издание творений преп. Нила Синайского из рукописи. Еще свт. Фотий Константинопольский и Никифор Каллист упоминают о том, что преп. Нил составил главы или сентенции. При этом свт. Фотий упоминает о сотнице глав («Библиотека», кодекс 201) авторства преп. Нила. Впрочем, некоторые исследователи склоняются к тому, чтобы признать три

¹⁰ Quasten J. Patrology. Vol. 3. P. 500.

собрания сентенций, опубликованных Минем, не принадлежащими перу Нила: они либо составлены из его творений впоследствии, либо вовсе их автор – Евагрий Понтийский.

«Увещание к монахам» И. Кастен считает неподлинным творением преп. Нила. Перевод этого собрания сентенций на русский язык был сделан свт. Феофаном и помещен в «Добротолюбии». В предлагаемой читателю книге мы публикуем собственный перевод. Это произведение посвящено духовной брани – борьбе с помыслами, цель которой – укрепление души и ее мысленной и волевой силы: «уничтожить в себе памятование о том, что приводит в движение страсти... чтобы со временем одержать верх, с каждым днем умаляя силу с ним борющегося и увеличивая свою собственную». В итоге, успешно искореняя внутреннее зло, нужно сделать добродетели в своей душе навыком – устойчивым складом души, «так что последняя от упражнений ежедневно преуспевает в зрелости и навыкает одолевать противников. Так привычка переходит в навык, а навык обращается в природу и приобретение соблюдает непреложным для приобретшего». Автор настойчиво предупреждает читателя, что необходимо быть внимательным к своему внутреннему миру – помыслам, мысленным грехам, так как «из всего этого мы научаемся, что малые и ничего не значащие грехи доводят нас до больших грехов и равнодушие к грехам малым пролагает путь грехам тягчайшим».

Заключает книгу перевод на русский язык краткого трак-

тата преп. Нила (иногда приписывается также Евагрию Понтийскому) под названием «Об учителе и учениках». И. Кастен относит его к числу подлинных произведений преп. Нила и называет «руководством для игуменов, наставников и пасомых, оформленным в виде сентенций»¹¹. В этом тексте ярко описывается высокое предназначение пастыря и его обязанности и ответственность перед Богом за своих подчиненных.

Произведения, изданные первоначально на греческом языке в издании «Патрологии» Ж.-П. Миня¹², снабжены в тексте соответствующими номерами колонок-страниц в квадратных скобках. Дореволюционный перевод ТНС был в некоторых местах отредактирован в соответствии с греческим текстом и выстроен в том порядке, в котором творения помещены в издании Миня.

Редакция надеется, что книга принесет духовную пользу читателям, как монашествующим, так и мирянам, поможет им во внутреннем совершенствовании и в более глубоком усвоении древнего святоотеческого аскетического наследия, неотъемлемой частью которого являются творения преп. Нила.

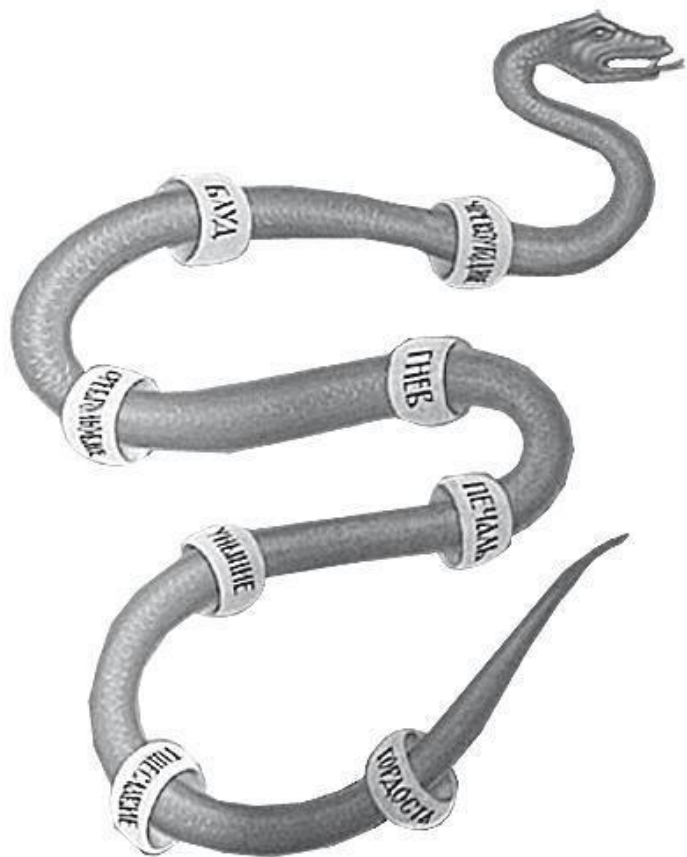
¹¹ Данный текст, содержащийся в двух Парижских кодексах (Paris, gr. 1188 + 1066) был впервые издан П. ван ден Веном в 1908 г.: *P. van den Ven*. «Un opusculé inédit attribué à S. Nil» // *Mélanges Gode-froid Kurth*. Vol. 2 [*Mémoires littéraires, philologiques et archéologiques*]. Liège: Faculté de Philosophie et Lettres de PUniversité de Liège, 1908. P. 76, 78, 80.

¹² *Patrologiae cursus completus graecae* (далее – PG.). Т. 79. Paris, 1863.

П. Доброцветов

Преподобный Нил Синайский

О восьми лукавых духах



[PG. T. 79. Col. 1145]
О ВОСЬМИ ЛУКАВЫХ ДУХАХ

1. О чревоугодии

(γαατρῖαρυῖα)

Глава 1

Начало плодоносил [растения] – цветок, и начало [аскетического] делания – воздержание. Господствующий над чревом умалляет силу страстей, а преодолеваемый желанием снедей увеличивает силу сластолюбия. Начало язычников – Амалик, и начало страстей – чревоугодие. Пища огню – дрова, а пища чреву – снеди. От множества дров возгорается великое пламя, а множество снедей питает похоть. Пламень ослабевает с оскудением горючего вещества, а скудость снедей приводит в бессилие похоть. Кто овладел челюстью, тот избил иноплеменников и без труда развязал узы на руках своих (см. Суд. 15:14). *Избиение челюстное* (Суд. 15:17) произвело источник воды, и доведенное до бездействия чревоугодие породило деятельное созерцание. *Кол куцный* (Суд. 4:21), пронзив челюсть, умертвил врага, а слово воздержания умертвило страсть. Пожелание снеди породило преслушание (Быт. 3:6), а усладительное вкушение изгнало из рая. Многоценные снеди услаждают гортань, но питают и неусыпающего червя невоздержания. Отощавшее чрево приготавливает к тому, чтобы бодрствовать в молитве, а пресыщенное

наводит глубокий сон. Трезвенны мысли при сухоядении, а жизнь роскошная погружает ум в глубину. Молитва постника – воспаряющий птенец орла, а молитва упивающегося, отягчаемая пресыщением, увлекается вниз. Ум постника – светлая звезда на чистом небе, а ум упивающегося – в затмении среди безлунной ночи. Туман скрывает солнечные лучи, а грубые испарения съеденных яств омрачают ум.

Глава 2

Замаранное зеркало не передает вполне отобразившегося в нем образа, и сила мышления, притупленная пресыщением, не приемлет в себя ведения Божия. Невозделываемая долго земля порождает терния, и ум чревоугодника произращает срамные помыслы. Невозможно найти аромат в нечистотах, и в чревоугоднике – благоуханий созерцания. Око чревоугодника высматривает, где пиршества, а око воздержного – где собрания мудрых. Душа чревоугодника вычисляет дни памяти мучеников, а душа воздержного подражает их жизни. Боязливый воин трепещет от звука трубы, возвещающей битву, а чревоугодник – от проповеди о воздержании. Чревоугодливый монах – данник своего чрева и под бичом выплачивает [Col. 1148] ежедневный налог. Торопливый путник скоро достигнет города, и воздержный монах – умиренного состояния. Медлительный путник останавливается на ночлег в пустыне под открытым небом, и монах-чре-

воугодник не придет в дом бесстрастия. Курение фимиама благоуханием наполняет воздух, и молитва воздержного – Божие обоняние. Если предашься пожеланию снедей, то ничего не будет достаточно к удовлетворению сластолюбия, потому что желание снедей есть огонь, всегда приемлющий горячее вещество и всегда пламенеющий. Достаточная мера наполняет сосуд, а чрево, и расседшись, не скажет: «Довольно!» Воз деяние рук обратило в бегство Амалика (Исх. 17:11), и возвышенные деяния покоряют плотские страсти.

Глава 3

Истребляй в себе все, что дает дыхание пороку, и с силою умерщвляй плотские члены свои. Как убитый враг не внушает тебе страха, так умерщвленное тело не возмутит твоей души. Мертвое тело не чувствует боли от огня, и воздержный – удовольствия от омертвевшей похоти. Если поразишь египтянина, то скрой его в песке (ср. Исх. 2:12) и по случаю преодоления страсти не утучняй тела. Ибо как сокрытое в тучной земле дает росток, так в утучненном теле расцветает страсть. Потухающий пламень от вложенных в него сухих сучьев снова делается ярким, и угасшее сластолюбие воспламеняется от пресыщения снедами. Не жалея тела, жалующегося на бессилие, и не утучняй его дорогими снедами. Если придет оно в силу, то восстанет на тебя и поведет с тобой непримиримую брань, пока не пленит твою душу и не пре-

даст тебя в рабы страсти блуда. Скучно питаемое тело – обузданный конь и никогда не сбросит с себя всадника, потому что конь, сдерживаемый уздой, уступает и повинуетя руке возницы, а тело укрощается голодом и бдением и тогда не рвется из рук восседающего на нем помысла, не ржет, движимое страстным устремлением.

2. О БЛУДЕ

(πορνεία)¹

Глава 4

Воздержанием порождается целомудрие, чревоугодие же – мать невоздержности. Елей питает пламень светильника, а обращение с женщинами возжигает огонь сластолюбия. Напором волн обуревается ненагруженный корабль, а блудным помыслом – невоздержный ум. Блуд возьмет в помощники себе пресыщение, потому что разойдется с ним², станет заодно с противниками и до конца будет сражаться вместе с врагами. Кто любит безмолвие, того не уязвят стрелы врага, а кто смешивается с толпой, тот часто получает раны. Воззрение на женщину – ядовитая стрела, уязвляет душу, вливает в нее яд и чем продолжительнее, тем большее производит загноение. Кто охраняет себя [Col. 1149] от этих стрел, тот не ходит на народные собрания, не предается рассеянию на празднествах. Ибо лучше спокойно оставаться дома и пребывать в молитвах, нежели, думая почтить праздник, сделаться скорой добычей врагов. Избегай свидания с женщинами, если хочешь быть целомудренным, и не давай им свободы когда-либо доверяться тебе. Ибо вначале или действительно имеют, или лицемерно оказывают уважение, а впо-

следствии бесстыдно отваживаются на всё; при первом свидании понижают они взором долу, говорят кротко, с состраданием проливают слезы, бывают пристойно одеты, горестно вздыхают, предлагают вопросы о чистоте и со тщанием слушают. Видишь их во второй раз, и взор их поднят несколько выше, а в третий – смотрят уже, бесстыдно улыбаясь, даже разливаются громким смехом; наконец, приходят нарядные, ясно выказываются пред тобою, такой вид дают взгляду, который возвещает страсть, поднимают брови, не оставляют в покое ресниц, обнажают шею, во всем теле обнаруживают негу, произносят слова, ласкающие страсть, самым выговором стараются обольстить слух, пока всеми силами не опутают душу. И делается это для тебя крючком, уловляющим в смерть, хитросплетенною сетью, влекущею в погибель. Да не введут же тебя в обман скромными речами, потому что в них сокрыт вредоносный звериный яд!

Глава 5

Подойди лучше к горящему огню, нежели к юной женщине, когда и сам ты юн, потому что, приблизившись к огню и почувствовав боль, тотчас отскочишь прочь, а разнежась от женских речей, не сразу отойдешь. Разрастается трава, растущая при воде, и страсть распутства – в сообществе с женщинами. Кто наполняет чрево и обещается быть целомудренным, тот подобен утверждающему, что остано-

вит силу огня, пополяющего солому. Как невозможно удержать стремительность огня, разливающегося по соломе, так невозможно остановить стремление к распутству, воспламеняемое при пресыщении. Столп поддерживается основанием, а страсть блудная – пресыщением. Обуреваемый корабль поспешает в пристань, и целомудренная душа ищет пустыни. Корабль убегает от морских волн, угрожающих опасностью, а душа – от женских лиц, причиняющих гибель. Вид нарядной женщины потопляет хуже волны. Из [морских] волн по любви к жизни можно еще выплыть, а обольстительный вид женщины убеждает пренебречь и самую жизнь. Пустынный куст безвредно избегает огненного пламени, и целомудренный вдали от женщин не воспламеняется страстью распутства. Как воспоминание об огне не жжет мысли, так и страсть не имеет силы, когда нет для нее пищи.

Глава 6

Если помилуешь неприятеля, то будет у тебя враг, и если пощадишь страсть, то восстанет на тебя. Воззрение на женщину неводержного возбуждает к сластолюбию, а целомудренного располагает [Col. 1152] к прославлению Бога. Если страсть при встречах с женщинами будет оставаться в покое, не верь обещаемому ею бесстрастию. Ибо и пес, окруженный толпою, машет хвостом, а вышедши из толпы, показывает свойственную ему злость. Когда воспоминание о жен-

щине делается бесстрастным, тогда заключай, что вступил ты в пределы целомудрия. А когда представляемый тобою образ ее побуждает к лицезнению и стрелы ее касаются души твоей, тогда думай о себе, что ты еще вне добродетели. Но и в первом случае не останавливайся на таковых помыслах и мысленно не беседуй долго с женским образом, потому что страсть любит возвращаться назад и опасность близка. Как соразмерное плавление очищает серебро, а продолженное сверх меры производит в нем утрату, так целомудренный навык портится от долговременного представления в мыслях женщины. Недолго беседуй с явившимся тебе лицом, чтобы не зажгло в тебе пламени сластолюбия и не запалило гумна души твоей. Как долго остававшаяся в соломе искра производит воспламенение, так продолжительное памятование о женщине возжигает похоть. [Col. 1153]

3. О сребролюбии

(φιλαργυρία)

Глава 7

Сребролюбие – корень всех зол (1 Тим. 6:10): как худые ветви, питает оно прочие страсти и не дает засыхать тому, что от него процвело. Кто хочет истребить страсти, тот пусть исторгает корень, а пока остается сребролюбие, не сделаешь себе пользы, отсекая ветви, потому что, если и будут отсечены, скоро опять вырастут. Многостяжательный монах – корабль, перегруженный и легко потопляемый в мятущихся от бури волнах. Как кораблю, в котором открылась течь, прибавляет опасности каждая волна, так многостяжательный больше и больше утопает в заботах. Монах нестяжательный – хорошо снаряженный путник, который на всяком месте находит себе пристанище. Монах нестяжательный – орел, парящий высоко, который тогда только опускается вниз за пищу, когда вынуждает потребность. Таковой выше всякого искушения, смеется над всем нынешним, поднимается ввысь, удаляется от всего земного, обитает вместе с горными, потому что легки у него крылья, не обременены заботами. Пришла скорбь – и без печали оставляет он место; настигла смерть – благодушно преселяется отсюда, потому что ника-

кими земными узами не связал душу. А многостязательный связан попечениями и, как пес, привязан цепью: если принужден переселиться, несет с собою тяжкое бремя и бесполезную скорбь – воспоминание об имуществе; уязвляет его печаль, и сильно мучается он в мыслях. Оставил он имущество? Терзает его печаль. Если пришла смерть к нему, с жалостью оставляет настоящее, отдает душу – и глаз не отводит от того, что имеет у себя; насильно влекут его, как беглого раба; разлучается с телом, но не разлучается с именем; сильнее влекущих удерживает его страсть.

Глава 8

Море не наполняется, принимая в себя множество рек, и пожелание сребролюбца не удовлетворяется деньгами, что у него собраны; удвоил он это, и желает сделать еще вдвое большим, и никогда не перестает удваивать, пока смерть не прекратит сего бесполезного рачения. Монах благоразумный будет иметь в виду только потребность тела и оскудение чрева удовлетворит хлебом и водой, не будет льстить богатым, чтобы доставить удовольствие чреву, не поработит свободного ума многим властелинам, потому что достаточно одних рук, чтобы услужить телу и удовлетворить естественную необходимость. Нестязательный монах – не дающийся в руки борец и легкий скороход, скоро достигающий *почести высшего звания* (Флп. 3:14).

Монах многостяжательный радуется многим доходам, а нестяжательный – венцам за преуспеяние. Монах сребролюбивый усилен в работах, а нестяжательный проводит время в молитвах и чтении. Монах сребролюбивый наполняет сокровищницы золотом, а нестяжательный собирает *сокровище на небе* (Мф. 6:20). Проклят, кто делает идола и полагает его *в сокровении* (Втор. 27:15), а также тот, кто имеет страсть сребролюбия: тот кланяется бесполезному слитку, а этот мечтание о богатстве носит вместо кумира.

4. О гневe

(орүү)

Глава 9

Гнев – неистовая страсть, легко выводит из себя даже имеющих ведение, зверскою делает душу, заставляет уклоняться от всякого общения. Сильный ветер не колеблет столпа, и душу негневливую не увлечет раздражение. Вода приводится в движение *от зельных ветров* (Прем. 4:4), и раздражительный возмущается безрассудными помыслами. Гневливый монах – вепрь пустынный³: увидел кого-нибудь – и точит зубы. Распространившийся туман сгущает воздух, возбужденная раздражительность делает грубым разум гневливого. Набежавшее облако омрачает солнце, а помысл памятозлобия – ум. Лев, запертый в зверинец, ни на минуту не оставляет в покое дверных крюков, а раздражительный в келлии – гневливых помыслов. Приятное зрелище – спокойное море, но не так приятно, как мирное состояние духа. В тихом море плавают дельфины, а при мирном состоянии духа возникают боголепные помышления. Долготерпеливый монах – тихий источник, всем доставляющий приятное питье, а разум гневливого всегда возмущен и не дает воды жаждущему; если же и дает, то мутную и негодную. У раздражительного глаза

мутны и налиты кровью, возвещают возмущенное сердце, а лицо долготерпеливого спокойно, глаза приятны и смотрят прямо.

Глава 10

Кротость мужа поминается у Бога (см. Пс. 131:1), и душа негневливая делается храмом Святого Духа. [Col. 1156] Христос приклоняет главу (ср. Мф. 8:20) в долготерпеливом духе, и умиранный разум делается обителью Святой Троицы. Лисицы живут в душе злопамятной, и логовищем зверей служит сердце смятенное. Честный муж избегает гнусного пристанища, и Бог – злопамятного сердца. Упавший камень возмущает воду, и худое слово – сердце мужа.

Удали гневные помыслы из души твоей и раздражение да не водворяется в сердце твоём, чтобы не возмущаться тебе во время молитвы. Как дым от тлеющей соломы беспокоит глаза, так и памятозлобие – ум во время молитвы. Помыслы раздраженного – *порождения ехиднины* (Мф. 3:7), пожирают породившее их сердце. Молитва раздраженного – мерзостное воскурение, псалмопение гневного – неприятный звук, дар злопамятного – червивая жертва, и да не приближается к очистительным алтарям. Возмущающие сны видит раздраженный, и нападения зверей мечтаются гневливым. Муж долготерпеливый видит в видении соборы святых Ангелов, и непамятозлобивый упражняется в духовных словесах, но-

чьё приемлет разрешения тайн.

5. О Печали

(λύπη)

Глава 11

Опечаленный монах не знает духовного наслаждения, печаль же есть унылость души и бывает следствием гневных помыслов. Раздражительность есть пожелание отмщения, и неуспех в отмщении порождает печаль. Печаль есть львиная пасть и легко поглощает опечаленного. Печаль есть червь в сердце и пожирает родившую его мать. Мучается мать, рождая чадо, а когда родит, освобождается от мук; но печаль, рождаясь, возбуждает великую боль и, оставаясь после болезней рождения, причиняет немалую болезнь. Опечаленный монах не знает духовной радости, как страждущий сильной горячкою [не чувствует] вкуса меда. Опечаленный монах не подвигнет ума к созерцанию и никогда не восшлет⁴ чистой молитвы, потому что печаль – препятствие всему доброму. Узы на ногах – препятствие скорому шествию, а печаль – препятствие созерцанию. Пленника варвары оковывают железом, а пленника страстей связывает печаль. Не усиливается печаль, когда нет других страстей, как и узы не вяжут, когда нет связующих. Кто связан печалью, тот побежден страстями и в обличие своего поражения носит узы, пото-

му что печаль бывает следствием неудачи в плотском пожелании, а пожелание сопрягается со всякою страстью. Кто победил пожелание, тот победил страсть, а кто победил страсти, тем не овладеет печаль. Не печалится воздержный, что не удалось снеди, и целомудренный, что не успел в задуманном неразумно распутстве, и негневливый, что не смог отомстить, и смиренномудрый, что лишен человеческой почести, и несребролюбец, что потерпел утрату. Они с силою отклонили от себя пожелание всего этого, потому что как одетого в броню [Col. 1157] не пронзает стрела, так бесстрастного не уязвляет печаль.

Глава 12

Воину доставляет безопасность щит и городу – стена, но более щита и стены доставляет безопасность монаху бесстрастие. Ибо щит пробивает стремительно летящая стрела и стена разоряется множеством воителей, а бесстрастия не превозможет печаль. Овладевший страстями овладел и печалью, а побежденный сластолюбием не избежит ее уз. Кто часто печалится и приписывает себе бесстрастие, тот подобен больному, притворяющемуся здоровым. Как больной виден по цвету лица, так страстного изобличает печаль. Кто любит мир, тот много будет печалиться. А кто небрежет о том, что в мире, тот всегда будет веселиться. Сребролюбец, понесши утрату, горько будет печалиться, а пренебрегающий

деньгами будет беспечален. Славолюбивый опечалится, когда потерпит бесчестие, а смиренномудрый примет его как совоспитанника. Плави́льная печь очищает недобротное серебро, и печаль по Богу – сердце, погрязшее во грехах. Частое плавление убавляет свинец, и мирская печаль умаляет разум. Темнота уменьшает деятельную силу глаз, и печаль расслабляет созерцательный ум. В глубину воды не проходит солнечный свет, и сердца в печали не озаряет созерцание света. Всякому человеку приятен солнечный восход, но и им не услаждается печальная душа. Болезнь желтуха отнимает ощущение вкуса, и печаль отъемлет чувство у души. Но кто пренебрегает мирскими удовольствиями, того не тревожат печальные помыслы.

6. Об унынии

(ακηδία)

Глава 13

Уныние есть изнеможение души, а душа в изнеможении не имеет того, что ей естественно, и не выдерживает мужественно искушений. Что пища для здорового тела, то искушение для мужественной души. Северный ветер питает произрастения, а искушения подкрепляют душевную твердость. Безводное облако уносится ветром (ср. Иуд. 1:12), а не имеющий терпения ум – духом уныния. Весенняя роса прибавляет роста полевому плоду, а духовное слово возвышает состояние души. Дух уныния гонит монаха из своего жилища, а кто имеет терпение, тот всегда пребывает в безмолвии. Предавшийся унынию выставляет в предлог посещение больных, удовлетворяет же собственному своему намерению. Монах в унынии скор на услужение и удовлетворение себе самому вменяет в заповедь. Легкий ветерок наклоняет слабое растение, и мысль о странствовании увлекает предавшегося унынию. Хорошо утвердившееся дерево не колеблется от усилия ветров, [Col. 1160] и уныние не преклоняет окрепшую душу. Бродящий монах – сухой пустынный сук: немного времени побудет на безмолвии и снова

нехотя несется дальше. Переносимое с места на место растение не приносит плода, и бродящий монах не приносит плода добродетели. Больной не довольствуется одною пищею, и монах в унынии — одним делом. Сластолюбцу не довольно будет одной жены, и монаху в унынии недостаточно будет одной келлии.

Глава 14

Глаз преданного унынию непрестанно устремлен на двери, и мысль его мечтает

о посетителях. Скрипнула дверь — и он вскакивает; послышался голос — и он выглядывает в окно, не отходит от него, пока не оцепенеет сидя. Преданный унынию, читая, часто зеваает и скоро склоняется ко сну, потирает лицо, вытягивает руки и, отворотив глаза от книги, пристально смотрит на стену; обратившись снова к книге, почитает немного, переверачивая листы, любопытствует видеть концы слов, считает страницы, делает выкладку о числе целых листов, охуждает почерк и украшения, а напоследок, согнув книгу, кладет под голову и засыпает сном не очень глубоким, потому что уже голод возбуждает его душу и заставляет позаботиться о себе. Монах в унынии ленив к молитве и иногда не выговаривает молитвенных речений. Как больной не выносит тяжелого бремени, так преданный унынию не сделает прилежно Божия дела: то телесными силами расстроен, то ослабел в силах

душевных. От уныния врачует постоянство, делание всякого дела с великой внимательностью и со страхом Божиим. Во всяком деле определи себе меру и не оставляй его прежде, нежели закончишь, что назначено, также молись разумно и усиленно, и дух уныния убежит от тебя.

7. О тщеславии

(κενοδοξία)

Глава 15

Тщеславие есть неразумная страсть и удобно примешивается ко всякому добродетельному делу. Сливается и черта, проведенная на воде, и добродетельный труд – в душе тщеславной. Белой стала рука, скрытая в недре (см. Исх. 4:6), и скрываемое дело просиявает блистательнее света. Цветолистник обвивается вокруг дерева и, когда достигает вершины, сушит корень, а тщеславие растет с добродетелями и не оставляет их, пока не отнимет у них силы. Грозд винограда, влачащийся по земле, легко загнивает, и гибнет добродетель, опирающаяся на тщеславие. Тщеславный монах – бесплатный делатель, несет на себе труд, а награды не получит.

Дырявый мешок не сохраняет в себе того, что вложено, и тщеславие губит мзду добродетелей. Воздержание тщеславного – дым из печи, и то и другое рассеивается в воздухе. Ветер замечает след человека, и тщеславие в ничто обращает милостыню. Брошенный камень [Col. 1161] не достигает до неба, и молитва человекоугодника не взойдет к Богу.

Глава 16

Тщеславие есть подводная скала: если об нее ударишься, погубишь груз. Муж благоразумный скрывает сокровище, и смысленный монах – труды добродетели. Тщеславие советует молиться *на углах улиц*, а противящийся тщеславию молится в комнате своей (Мф. 6:6). Человек безрассудный всенародно объявляет о своем богатстве и многих возбуждает к злоумышлению против себя. А ты, поскольку идешь путем, где есть разбойники, скрывай, что имеешь, пока не придешь в град мира, и там безопасно пользуйся своим добром. Добродетель тщеславного – жертва *сокрушенная* и не приносится на алтарь Божий (см. Лев. 22:22). Уныние ослабляет душевную силу, а тщеславие напрягает ум, отпадший от Бога, болезненного делает здоровым, старика более сильным, нежели каков юноша, если только много свидетелей того, что делается; тогда легки и пост, и бдение, и молитва, потому что похвала многих возбуждает усердие. Но ты не продавай трудов за славу человеческую и не отдавай будущей славы за похвалу, ничего не стоящую. Слава человеческая пребывает в персти, и хвала ее угасает на земле, а слава добродетели пребывает вовеки.

8. О гордости

(ὕπερηφανία)

Глава 17

Гордость есть опухоль в душе, наполненная испорченной кровью: если она созреет, то прорвется и причинит большую неприятность. Блистание молнии предрекает удар грома, а о гордости возвещает появление тщеславия. На великую высоту восходит душа гордого и оттуда низвергает его в бездну. Гордостью болеет, кто стал отступником от Бога и собственным своим силам приписывает добрые дела. Как ставший на паутину падает и уносится вниз, так падает и полагающийся на собственные свои силы. От многих плодов гнутся деревянные ветви, и при многих добродетелях смиряется в человеке образ его мыслей. Сгнивший плод бесполезен земледельцу, а добродетель гордого не потребна Богу. Жердь поддерживает обремененную плодами ветвь, и страх Божий – добродетельную душу. Как тяжесть плода ломит ветвь, так гордость низлагает добродетельную душу. Не предавай гордости душу свою, и не увидишь страшных мечтаний, потому что душа гордого бывает оставлена Богом и делается предметом радости для бесов. Гордый ночью воображает множество нападающих зверей, а днем смущается боязливыми помыслами;

если спит, часто вскакивает и, бодрствуя, боится тени птицы. Шум листа в ужас приводит гордого, и журчанье воды поражает его душу. Ибо тот, кто недавно противился Богу и отрекался от Его помощи, впоследствии пугается ничтожных призраков. [Col. 1164]

Глава 18

Гордость низвергла архангела с неба и сделала, что он как молния пал на землю (ср. Лк. 10:18). А смиренномудрие человека возводит на небо и уготовляет к ликостоянию с Ангелами. Что несешься, человек, ввысь и подьмешься выше облаков, когда ты по естеству брение и гниль? Посмотри на естество свое: ты — земля и пепел, вскоре разрешишься в прах; теперь величав, а вскоре будешь червь! Что подьмешься выю, которая вскоре сгниет?

Велик человек, когда помогает ему Бог, а как скоро оставлен Богом, познает немощь естества. Нет у тебя ничего доброго, чего не принял бы ты от Бога. Поэтому для чего величаешься чужим, как своим? Для чего хвалишься благодатью Божией, как собственным своим достоянием? Признай Даровавшего и не превозносись много; ты — тварь Божия, не презирай Сотворившего. Бог помогает тебе, не отрицай Благодетеля. Взошел ты на высоту жития, но вел тебя по пути Бог. Преуспел ты в добродетели, но действовал в тебе Бог. Исповедуй Возвысившего, чтобы твердым пребыть тебе на

высоте. Признай своего единоплеменника, он одной и той же с тобою сущности. Не отрицай родства по надменности.

Глава 19

Тот смирен и приличен⁵, но один Зиждитель сотворил обоих. Не пренебрегай смиренного: он стоит тверже тебя, по земле ходит и нес скоро падет; а ставший высоко если падет, то сокрушится. Гордый монах – дерево, у которого нет корня и которое не может выдержать напора ветра. А некичливый образ мыслей – стенами огражденный город: обитающему в нем нечего будет бояться. Былинка подымается высоко дуновением ветра, а гордого возносит нападение высокоумия. Лопнувший пузырь обращается в ничто, и память гордого погибнет (ср. Пс. 9:7). Слово смиренного – целительный пластырь душе, а слово гордого исполнено кичливости. Молитва смиренного преклоняет Бога, а прошение гордого оскорбляет Бога. Смирennemудрие – венец дому и вошедшего блюдет в безопасности. Когда восходишь на высоту добродетелей, тогда великая тебе потребность в ограждении. Ибо стоящий на полу, и упав, скоро встанет вновь, а упавший с высоты подвергается опасности умереть. Драгоценному камню прилична золотая оправка, и смирение мужа блистает многими добродетелями.

Преподобный Нил Синайский

Избранные аскетические творения

СТЫ
НІЛЬ

СННАІТЬ



[Col. 1061] О ТОМ, ЧТО ПРЕБЫВАЮЩИЕ В БЕЗМОЛ-
ВИИ В ПУСТЫНЯХ ПРЕИМУЩЕСТВУЮТ ПРЕД ЖИВУ-
ЩИМИ В ГОРОДАХ, ХОТЯ МНОГИЕ ИЗ НЕОПЫТНЫХ
[ПРИДЕРЖИВАЮТСЯ] ПРОТИВНОГО СЕМУ МНЕНИЯ

Глава 1

Если неопытные судят о произведениях искусства, то они, что естественно, весьма ошибаются в суждении. И непосвященные в словесное искусство, когда судят о словах, выносят о них ошибочное суждение, не зная точного употребления каждого слова, потому что знание для них не обратилось в навык, [появляющийся от] разного рода упражнений. Посему не должно удивляться, что монахов, пребывающих в безмолвии в горах и пещерах, осуждают не познавшие на опыте, как можно преуспевать в добродетели, и [они] говорят, что обращающиеся среди людей и живущие в городах гораздо более достойны уважения, нежели отшельники, и в такой же мере, в какой ведущие с противниками рукопашный бой доблестнее борцов, сражающихся с тенью. Ибо, не зная поводов к падению (а ведь сколько маловажных случаев, которые доводят до поражения!), признают они падениями только делом учиненные грехи, ни во что не вменяя мысленно совершающиеся поражения и победы. Зрение их не привыкло усматривать оных, как тайных и ведомых только Подвигоположнику [Богу] и совести подвижающегося. А им и нужно наипаче сие ведение: одному, как подвижающемуся ради почестей и венцов, а Другому, как Мздовоздаятелю, Который будет разделять награды по достоинству трудов. Мне кажется, что таковые судьи всего менее восхваляют душу, украша-

емую сокровенными красотами, удивляются же телу, сияющему прекрасностью вида, и изукрашенную одежду славят более, нежели благосостояние облеченного в оную, потому что обманывают чувства видимым и не хотят обращать мысли на сущность вещей.

Глава 2

Как то, что в чаше, для услаждения пьющего должно быть непременно чистым, так и сердце [Col. 1064] преимущественно перед телом надобно иметь неоскверненным, чтобы благоугодить Богу, Который хочет таковым его видеть, потому что за чистотою сердца последует и чистота телесная, душевное же расположение не необходимо следует за состоянием телесной храмины. Ибо, как говорит Господь Иисус, есть те, которые [подобны] *окрашенным гробам, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты* (Мф. 23:27), не имея внутренней сущности, согласной с видимым. Но не сего призывает слово наше для сравнения с теми, о ком у нас речь, а равного им в деятельной жизни и подобно им упражняющегося в нравственных добродетелях. Ибо найдем, что сей несравненно ниже их по поведению, на разумных началах утвержденному, настолько же далек от них, насколько от искусного врачевания отстоит лечение, производимое только внешне, которое не знает причины болезней и страданий, не входит в исследование, отчего происходят [болезни], врачует то, что страждет, но что вскоре снова может возвратиться, потому что не уничтожена причина, от которой началась болезнь. Ибо напряжения и воспаления внутренностей, дурные соки порождают тысячи лихорадок, различающихся по именам и свойствам — ежедневных, недельных, двухне-

дельных, непродолжительных или продолжительных, изнурительных, возникающих то при желтой, то при черной желчи, иногда при гнилых мокротах, а иногда от полнокровия, то тихо и неприметно нападающих, то задолго предвещающих свое появление и дающих знать о болезни расслаблением, сухостью и часто прерывающимся сном.

Глава 3

Так беспорядочное стремление чувства обыкновенно производит страстный помысел, а помысел – постыдное вождение; вождение же – наслаждение и еще одобрение, а за ним следует на деле совершаемый грех, который должно прекращать в самом начале – отвращать взор, возбуждающий по порядку все, о чем сказано выше, прежде, нежели будет устремлен он и сделает отступление трудным. Ибо что не запечатлелось посредством зрения, то, может быть, не даст занятия мысли и не приведет к худому размышлению, а на чем не остановилась мысль, то не переходит в дело и не имеет возможности обнаружиться каким-либо признаком. Язык не подвигнется к злоречию, когда внутри усыплена раздражительность. Не видит блудный глаз, когда управляет им рассудок и запрещает смотреть, на что не должно. Не приемлет срамного слова слух, когда ум охраняет чувство сие. Ни один член не действует греховно, когда [ум], правящий помышлениями, трезвится и надежно удерживает преграду, за которой рвутся страсти. Трезвится же и бодрствует он, когда отрекся от внешнего, смотрит на это холодно и ничто не омрачает чистых его помышлений. [Col. 1065]

Глава 4

Итак, почему же тот, кто не падает на деле, предпочтительнее того, кто не погрешает мыслью? Потому, говорят, что он, и раздражаемый, не увлекается вещами и более достоин одобрения, нежели тот, в ком видимое не возбуждает вожделевательной силы к пожеланию. Если человек сей не познал ничего такого, что есть в мире, то нет в нем и борьбы с этим. Но если зрение соединено было с познанием, то имеет он память, которая доставляет ему ту же пищу, как и видимые вещи. И в нем происходит непрерывная борьба, потому что страсти при безмолвии имеют свободу больше зрения тревожить мысль, как уже не развлекаемую ничем внешним. Один видится и обращается с людьми – у него и взор, разделяясь между многими лицами, равнодушнее к соблазнительному, и помысла едва хватает, чтобы ночью перебрать дневные встречи; другой непрестанно борется с одним только образом или понравившегося некогда лица, или опечалившего облика; первый распаляет еще похоть, а последний воспламеняет раздражительность, и он употребляет все старание, чтобы отогнать от себя мысль о том, что беспокоит, и уничтожить в себе памятование о том, что приводит в движение страсти. Конечно же, со временем одержит он верх, с каждым днем умаляя силу с ним борющегося [противника] и увеличивая свою собственную, так что последняя от упраж-

нений ежедневно преуспевает в зрелости и навывает одолевать противников. Так привычка переходит в навык, а навык обращается в природу и приобретение соблюдает неизменным для приобретшего. Но неопытным в искусстве возможным кажется и крайне невозможное. Как невозможно в потоке, пока течет, видеть лежащий на дне песок (необходимо же остановить воду, текущую сверху), так точно, когда взор наводняет мысль новыми и новыми⁶ образами, невозможно тогда вступить в борьбу с определенным лицом или с определенной страстью и когда-либо сделать помысел чистым, потому что входящее извне уничтожает прежние черты и понемногу начертывает собственные свои образы, которые сглаживаются также привходящими новыми; и при этой осаде происходит во внутренности непрерывное смятение, по причине взаимно заменяемых друг другом представлений не позволяющее даже познать, что именно беспокоит. Ибо едва овладевает помыслом недавно представившееся ему, как вскоре заменяется это нынешним; и что прежде его занимало, то всегда уступает место последующему; и рассудок терпит достаточный вред от суетности помышлений, но по-видимому не терпит ничего такого, к чему располагает производящее страстные представления о вещах и уклоняющее от помыслов более необходимых и полезных.

Глава 5

А если кто рассмотрит вред, происходящий извне, [Col. 1068] когда глаза видят непозволенное, слух поражается отовсюду срамными словами, сверх того, возмущается раздражительность, уловляется какою-либо приманкою похоть, возбуждается сластолюбие, приводится в колебание слава, приключается печаль, то, без сомнения, найдет, что он походит на избитого и покрытого ранами в кулачном бою; и тогда назовет блаженными тех, которые, пребывая в безмолвии, ничего этого не видят и не терпят. Ибо какая польза самым испытанием вещей возбуждать страсти для борьбы и сей борьбой их подавлять, и не иначе, как с большими трудностями, когда безмолвие (каким бы то ни было способом) обыкновенно приводит их [страсти] в невозмущаемое состояние и бездействие мало-помалу уменьшает силу каждой страсти в той же мере, в какой борьба с нею придает ей большую и большую силу? Ибо и раздражительность, оставаясь в покое, бывает умереннее, и похоть, безмолвствуя, навывает быть менее стремительною – одним словом, всякая страсть, если не возбуждать ее, с каждым днем приходит в большую умеренность и впоследствии совершенно прекращается, забывая со временем деятельность свою. И когда страстное расположение удаляется, остаются наконец одни голые воспоминания о вещах.

Глава 6

И как пожелания яств и напитков самых приятных ни зрение, ни память не возбуждают в том, кто их не хочет, так и ничто чувственное, ни видимое, ни слышимое, ни приходящее на мысль, не уловляет в страсть того, кто страстную в себе силу приучил к покою, потому что навык не позволяет уже приходить в движение тому, что долговременным безмолвием отучено от движения. Поэтому можно ли сказать, что без опыта и с опасностью для себя совершающий свой подвиг достоин большего одобрения, нежели подвигающийся по правилам и безопасно? Кто скорее успеет на войне и легче победит врагов – тот ли, кто с неистовством кидается в ряды противников и лицом к лицу борется с вражескою дружиною и с великим кровопролитием противостоит борющимся упорно, или тот, кто нападает на них по правилам военного искусства, без труда низлагает их в засадах при внезапных нападениях, одерживает благоразумием победу? Кто кажется целомудренным и действительно целомудрен умом – тот ли, кто бросается на свирепых зверей, в раскаленную печь и в неистово волнующееся море, или тот, кто остерегается вреда, ими причиняемого, и стоит вне опасностей?

Глава 7

Как тело, подвергаясь сим [опасностям], необходимо терпит свойственное телу, так и чувство, кружась среди чувственного, дает страстям способы к тому, чтобы не менее сказанного [о теле] повредить душе. А для борьбы достаточно сил и у природы, если ничего не придадим извне в помощь против себя самих, потому что у похоти есть свой огонь, – пусть не будет сухих дров и не усилят они пламени. Может быть, на это и намекает слово закона. [Col. 1069] Сказано: *Аще же изишед огонь обрящет терние и запалит гумно, да отдаст, иже возже огонь* (Исх. 22:6); и гумном называются страсти, огнем – естественные стремления, тернием – подлежащее чувствам. Пусть не служит оно посредником [для огня], и огонь не сможет коснуться гумна, не находя вещества, которое бы ему можно было воспламенить и по нему дойти до гумна. Ибо, без сомнения, или совершенно погаснет по недостатку горючего и закончится, оставив по себе пепел, означающий крайнюю немощь прежнего владычества страсти, или будет таиться в искре, которая нимало не вредит, но научает взирающего, что может иногда повредить, возгоревшись пламенем, если будет в обилии вещество, пригодное для оставшейся в ней силы. Ибо не сразу объемлет собою дрова искра и зажигает подложенные щепы, но имеет нужду в соломе, сухих стеблях и сене, чтобы превозмочь

и более твердое горючее вещество. И из всего этого мы научаемся, что малые и ничего не значащие грехи доводят нас до больших грехов и равнодушие к грехам малым пролагает путь грехам тягчайшим.

Глава 8

И должно не давать им повода входить в привычку, не позволять вести себя бесстыдно, но в самом начале останавливать будущую их дерзость – стирать главу змия, только приходящую в движение, прежде нежели коснется он пяты (см. Быт. 3:15), истреблять *семя от Вавилона* (Иер. 50:16) и младенцев его разбивать о камень (Пс. 136:9), который один, как показывает прибавление артикля [к слову «камень»]. Ибо за вкравшейся головою вторгнется все пресмыкающееся; и семя плевел, укоренившись, препятствует обыкновенно возрастанию плодовых насаждений; и младенцы, пришедши в мужеский возраст, имеют обычай вести если не [со всем] невыносимую, то [по крайней мере] упорную и опасную борьбу; а ими означаются страсти, так как они вначале преодолимы, но, поддерживаемые привычкою, входят в полную силу и, делаясь труднопреодолимыми в борьбе, причиняют много труда, обличая нас в легкомыслии и страшном неразумии, потому что [мы] сами против себя взрастили врагов, которых легко было нам истребить, когда были они слабы. Ибо тогда ум, пребывающий в мире после сокрушения противников, будет иметь время обратиться к созерцанию и потрудиться над собственными своими силами⁷. А сие и говорит некто из Пророков: *Раскуют мечи своя на рала и копья на серпы* (ср. Мих. 4:3), означая тем прекращение воен-

ного времени и состояние, благоприятное для дел мира.

Глава 9

Другой Пророк говорит: *Очи твои узрят прельщающих* *тя, и ушиеса твоя услышат словеса созади тебе прельщающих* (Ис. 30:20–21), внушая сим по прекращении рукопашной битвы [Col. 1072] смотреть и ясно узнавать хитрости и пред начинания врагов. И великий Моисей во Второй книге⁸ тщательно напоминает израильтянам события, бывшие с ними по исходе из Египта в пустыне, прошедшие битвы и сражения, советуя упражнять сим память и необычайные победы обращать для себя в повод к величайшей благодарности. Сего не знает и не имеет и досуга когда-либо узнать живущий в городах⁹ и думающий о себе, что оказывает помощь другим. Ибо занимается он хорошим и для многих полезным делом, но в сравнении с тем, кто прилагает попечение о собственном своем состоянии и исправляет свое внутреннее, едва ли удержит второе место, подавая телесную помощь имеющим в ней нужду, а душу свою оставляя вовсе без попечения. Знаю, что и земледельцы во всякое время занимаются своим земледелием, и пловцы оснащают всегда свой корабль, а путешественники, и купцы, и ремесленники, и наемники стараются о том, что, по их мнению, служит к их пользе, и никто не согласится признать, что чужое дело предпочтительнее собственного или даже равноценно ему. И мо-

ряк, отправляясь в морское плавание, направляет свой корабль, куда ему нужно плыть, и земледелец производит сообщения с временем работы, прилагая попечение о своем земледелии, и занимающийся каким-либо искусством упражняется в нем для своей выгоды – одним словом, всякий, считая напрасным и суетным делом иметь попечение о том, что делают другие занимающиеся тем же, много заботится и печется, как лучше устроить собственные свои дела.

Глава 10

И почему иные почитают наиболее достойными тех, которые полезны для других, нежели тех, которые в добродетели полезны для себя? Мне кажется, что они непременно похвалят того, у кого горит дом и все имущество в доме объято пламенем, а он, послушавшись убеждения друзей, идет с ними для сватовства или для предстательства [за кого-то], потому что потребность друзей признал более достойною предпочтения, нежели прекращение пожара в доме; и в таком случае окажут уважение тому, кого рассуждающие здраво должны заподозрить в умоповреждении и безумии. Но хуже пожара то, что потерпит ум от каждого из чувств, если не преградит входов, через которые вносятся вещества, питающие горящий огонь; подобно сухим дровам, [они] складываются в кучу, чтобы распалить ими естественный пламень, причем память, как мехами, раздувает его внимательным размышлением и делает более неуправляемым и неугасимым, нежели огонь на пожаре. И сие-то, кажется негодую на некоторых, произнес Бог Пророку; и с гневом говорит; *Еда не видиши, что сии творят во градах Иудиных и вне Иерусалима? Сынове их собирают дрова, и отцы их зажигают огонь, и жены их месят муку, да сотворят опресноки воинству небесному* (Иер. 7:17–18), выражая сим, что зрение, как сухие дрова, собирает раздражающие обра-

зы, похоть возжигает в них сильный огонь и память [Col. 1073] непрестанно раздробляет и умягчает это. Так зрение, пролагая путь через это, приводит к действительному греху, который совершается при общем содействии всего [выше]сказанного. А *собирати тростие на плевые* (Исх. 5:12) есть дело трудящихся над изготовлением кирпичей в Египте (см. Исх. 1:14, 5:8, 16), а не пребывающих в безмолвии.

Глава 11

Поневоле [это] собирает тот, кто без различения входит в общение с множеством людей: из вещества, производящего грех, придает он бездейственной [пока] страсти, словно глине, кубическую форму [кирпича]; сама по себе [страсть] не имеет вида, но принимает ясный отпечаток тех образов, какие при помощи чувства начертаны внимательным размышлением. Ибо страсть может приводить в движение одно только естественное стремление, и то слабо, если не содействуют ей внешние вещества. Но когда примет она в себя привлекательные и обольстительные образы, тогда определенными очертаниями чувственного удерживает помысл в оковах. Например, ярость и похоть, удовольствие и печаль – силы, находящиеся в покое и не имеющие вида, пока нет в обилии вещества, возбуждающего их к деятельности. Но если в ярость опечаленного и в похотение наслаждавшегося или в другую какую-либо страсть чувство привнесет соответствующий образ, то страсти сии дают дело чувствам и постоянное занятие мысли при воззрении на отпечатления того, что раздражает и производит страстное и крайне тягостное напоминание. Посему-то и прекрасно безмолвие, ибо не видит вредного, а что не было видимо, того не приемлет в себя мысль; и чего не было в мысли, то не приводит в действие память представлением сего, а что не приводит в действие память,

то не раздражает страсти; когда же страсть не возбуждена, тогда внутренность в глубокой тишине и в мире. Посему-то премудрый Моисей, хотя на нем лежали забота и попечение о народе иудейском, однако же палатку свою поставил вне стана, вдали от многолюдства, избегая, сколько можно было, неподобающего беспокойства и доставляя покой помыслу, чтобы усматривать и узнавать, что полезно душе.

Глава 12

Посему-то Иисус Навин не выходил из палатки, отклоняя от себя докучающие беспокойства¹⁰ [которые наносит] чувству зрение. Посему Илия и Елисей, оставив Иудею, жили на [горе] Кармил, а Иоанн, избегнув Иерусалима, пребывал в пустыне Иорданской. Иеремия же, удерживаемый необходимостью пророческого звания и не терпя пребывания среди незаконного народа, сетуя о сем, сказал: *Кто даст мне в пустыни виталище последнее; и оставлю люди сия и отиду от них* (ср. Иер. 9:2). Так предпочитал он лучше жить со зверями, которые не вредят душе, нежели [Col. 1076] нанести себе вред общением с единоплеменными. И что важнее всего, посему же и Господь Иисус, стоящий превыше всякого вреда, удаляясь от многолюдства, если только находил когда-либо для того возможность, пребывал в пустынях, самым делом давая видеть способным усмотреть сие пользу безмолвия, чтобы отсюда явствовало и сделалось неоспоримым, что по сравнению с избравшими жизнь в людском обществе и смешанную, хотя бы и отличающимися благочестием, предпочтительнее избравшие жизнь монашескую и отшельническую, потому что безмолвием усыпляют страсти, которые у первых непрерывным зрением доведены до ожесточения, так что они не чувствуют уже вреда, потому что время постепенно сделало оный привычным для них, как из-

нурительная лихорадка не производит боли, а неприметно изнуряет силы. Так иной изнеженный человек, если босой пойдет по земле, то сперва не вынесет без боли и малейшей неровности, а когда ноги покроются мозолями, не чувствует боли, хотя будут встречаться терния, колючки и острые гвозди, потому что не доходят они до живой плоти, а плоть отвердевшая потеряла чувствительность почти как мертвая.

Глава 13

Итак, почему же думают, что не делается обиды тем, которые по долговременной привычке быть обиженными не чувствуют вреда от обижающих? Ибо уму, когда зрение развлекает его видимым, достанет ли времени узнать, что причиняет ему скорбь, когда для рассуждения об этом потребно много свободных минут? Едва приняв в себя одни образы, вскоре приемлет он другие, и потом еще новые, и вслед за тем еще иные, какие встретятся; и услаждаясь всеми или большей их частью, наслаждение которым из них признает вредом? И займется ли тем, чтобы произведенное сим осквернение сгладить, не имея возможности когда-либо увидеть даже то, что им осквернено? Развлекаемый сообществом с людьми в продолжение дня, не забывает ли и опечаленный своей печали, и больной своей скорби и боли? Оставшись же ночью один, не [начинает] ли каждый чувствовать свое страдание, когда безмолвие дает время болезням возбудиться и делает то, что не беспокоившее дотоле начинает беспокоить? И как прожорливый, который непрестанно ест, не знает сытости, и желание пищи, при всем пресыщении и наполнении чрева, снова возбуждается, так по видимости страсти кажутся бездействующими по причине того, что чувства заняты предметами чувственными, и посему удерживаются от собственных своих устремлений, но освободи их от внешне-

го беспокойства — и как после насыщения недостаток пищи производит вновь голод, так и страсти, как скоро напряжение чувств закончится, восстают на успокоившегося во всей своей силе и возбуждают в нем великий мятеж, обратившись в привычку, вооружают к борьбе с ним те образы, которые, как думал он, не имея времени вспомнить о вреде их, можно без ущерба для себя окинуть взором. И тогда только начинает он чувствовать вред, когда имеет время узнать и изведать могущество его, пленяемый нелепыми мыслями и принуждаемый останавливаться на помыслах, исполненных стыда. И тогда уже явно осознает, что прошедшая жизнь его — заблуждение, и ублажает тех, которые не познали очами своими [Col. 1077] того, что познал он, и не без причины сожалеет о себе самом, что сам дал врагам оружие против себя, и справедливо терпит нападения, по великому неразумию дав силу врагам.

Глава 14

Ибо тогда то, что, как семя, запало посредством зрения, слуха или иных чувств, начинает возрастать, как тернии, и, постепенно созревая, болезненно язвит своими иглами или, лучше сказать, как мифологическая гидра рапсодов¹¹, у которой на месте [отрубленных голов] поднимаются другие головы, тысячами угрызений причиняет боль несчастному. Ибо предстает ему светлым виденное лицо, дорогой убор, разливающийся смех, обольстительная наружность, умильность и нежность, изысканно употребляемые для уловления, беглое движение глаз, хитрый взгляд, трепетное движение, благозвучие голоса, женственность произношения, даже и не это только, но и непритворный нрав – одним словом, степеньность и простодушие, трогательная речь, сострадательный вздох, слезы души болезнующей вызывают на великий, решительный подвиг; и воспоминание, может быть, о самой возбудившей сострадание и воспользовавшейся попечительностью готовит опасность, когда просительница, находящаяся в нужде и борющаяся с нею, напоследок возбудила сожаление о нужде ее; милосердие и воспламеняет любовь. Посему что лучше: себя ли пожалеть и избежать соблазнов или пожалеть других и запутаться в неразрешимых сетях и впасть в неизреченные бедствия¹² оттого, что пожелал по-

мочь другим? Хорошо подать руку падающему со стремнины, если можно самому не погибнуть с подвергающимся опасности. Если же за предполагаемым состраданием следует страдание, то позаботиться должно о пользе своей души, потому что другой к другому не настолько близок, насколько каждый к себе.

Глава 15

Посему, когда Пятиградие было сожжено небесным¹³ огнем, Ангел сказал праведному и попечительному о странно-приимстве Лоту: *Спасая спасай твою душу: в горё спасайся, да не когда купно ят будеши* (Быт. 19:17): не о погибающих, но о своем паче спасении заботься. Ибо, сказав: *Не озирайся вспять* (Быт. 19:17), научил не обращать никакого внимания на погибающих, потому что, без сомнения, было бы несправедливо желать погибнуть с погибающими и даже прилагать о других попечение, равное попечению о себе, когда сострадание, не принося никакой пользы наказываемым, причиняет величайший вред страдающим, вредя самому спасению, желаемому всеми людьми в совокупности. Ибо хотя человеколюбие боголюбезно и нам прилично и каждый должен другому давать полезный совет, стараться о нем и желать ему добра, [Col. 1080] потому что такое расположение подлинно похвально, однако же в крайних случаях стараться о себе меньше, нежели о других, не только неодобрительно, но даже достойно великого осуждения. Посему тому, кто прилагает великое попечение о своем состоянии, в безмолвии обучает нрав свой благочинию и свободно о многом беседует с Богом, – тому, как ведущему более трезвую жизнь, почему же не быть в большей степени способным благоугождать Богу в сравнении с тем, кто вовсе не имеет времени наблюдать за

своими помыслами или за скрытыми и при занятии внешним
непознаваемыми страстями?

Глава 16

Или не скажем, что Мария лучше Марфы? Предпочтя ее за неотвлекаемость той, которая заботилась о телесном и многозаботливом служении, совершавшемся для успокоения плоти, Господь говорит не Марии, но полагающей, будто бы делает нечто великое, и потому имеющей нужду в совете, и исправляет ошибочное ее предположение, сказав: *Марфа! Марфа! ты заботишься и суетишься о многом, а одно только нужно; Мария же избрала благую часть, которая не отнимется у нее* (Лк. 10:41–42). Хотя беспокойство Марфы происходило от усердия услужить Ему, но не похвалена она за сие усердие, а заслужила упрек за то, что не была, подобно Марии, внимательной к слову и пользе своей души, а пеклась о том, чтобы не было у нее недостатка в чем-либо, потребном для дорогого угощения, и была предложена щедрая, гостеприимная трапеза. А что Господь, намереваясь осудить неуместную рачительность, двукратно произнес имя и сказал: *Марфа, Марфа*, может быть, сие было жестом того, кто изъявляет сожаление и кивает головою при виде напрасного, но почитаемого необходимым беспокойства, ибо знал Господь, что преуспевание в благочестии, оставляемое Марфою в нерадении, полезнее того, о чем она старалась.

Глава 17

Так и левиты предпочтены были всему народу как свободные от всякого житейского занятия, по неразвлекаемости чистым помыслом служившие Богу и совершавшие по Закону великую молитву, чтобы внимательностью и чистотою освятить себя Богу; отказавшиеся от внешних беспокойств, внутри оград святого тогда храма упражнялись они в том, что служило к чистоте, о которой старались, будучи уверены, что безмолвие делает для них хранение чистоты сей нетрудным. Свидетелями же вреда от внешнего служат сын первозданного Авель и дочь патриарха Иакова Дина – один, коварно убитый Каином на поле, а другая (когда безвременно вышла посмотреть на туземных жен), растленная Еммором. [Col. 1081] Чего не потерпели бы они, если бы в покое пребывали дома, возлюбив безмолвие, безбедное для всех, даже и для совершенных, а наипаче для несовершенных, потому что в одних непоколебимым сохраняет оно навык, приобретенный упражнением, а других упражнением сим возводит к преуспеянию! И Иеремия, советуя не выходить в поле, *понеже меч вражий обитает окрест* (Иер. 6:25), и Петр, зывая: *Супостат наш диавол ходит* (1 Пет. 5:8), свидетельствуют о вреде от внешнего. А советующий укрыться от губляющего, когда говорит: *Затвори двери своя, укрийся мало елико елико, дондеже мимо идет гнев Господень* (ср. Ис.

26:20), и *живый в дому* (Быт. 25:27) Иакова, и повелевающий пришедшего сына убийцы стиснуть *во дверех* (4 Цар. 6:32) провозглашают безопасность внутреннего, ясно показывая, что жизнь одних по общему признанию легко подвергается вреду, а жизнь других несомненно безбедна.

Глава 18

Так, а не иначе угодно истине. Ведущим жизнь отшельническую нужно упражняться в единоборстве и вступать в брань с врагом безоружным, потому что оружия страстей — дела. А у живущих в городе среди многолюдства много ото-всюду и всегда нападающих, которые все вооружены всякого рода воинским оружием и, как скоро могут уязвить, наносят смертельные раны. И неразумно со всем усилием уготовлять себе жизнь, исполненную страхов и опасностей, когда есть возможность вести ее без робости и страха и возможную безопасность сделать необходимою. Ибо кто уклонился от злоумышленников и поставил себя вне общения с ними, тот не приобретает ли наконец смелость, не делается ли беспечален, не ожидая уже ниоткуда никакого вреда? А кто живет вместе с ними, тот не бывает ли в непрестанном страхе, всегда и отовсюду ожидая козней, потому что все и во всякое время готовы со всем тщанием искать случая сделать зло как враги врагу. Посему неужели жизнь среди обидчиков лучше жизни мирной и безмятежной? И неужели путь, на котором разбойники и варвары, казался и кажется кому-то предпочтительней, нежели путь, которым можно идти безбоязненно? На одном пути есть убийцы и хищники и на нем, конечно, можно или быть убитым, или, по крайней мере, лишенным одежды, а другой путь свободен от подобного, не при-

носит вреда путешественникам и путешествие делает беспечальным: путники и имение свое сохраняют неразграбленным, и сами совершают путь приятно и весело.

Глава 19

Другие, уклоняясь от негладких и неудобопроходимых стезей, хотя они и коротки,

отыскивают стези гладкие и проходимые многими, хотя они длиннее и, [Col. 1084] чтобы пройти ими, нужно больше времени. И почему путь крутой, затруднительный, длинный, опасный, на котором звери нападают, кормятся разбойники и много силков, сетей, засад, случаев потерпеть вред, признается лучшим, чем путь сносный, короткий и ровный? Там привлекает женское лицо, возбуждают соревнование, богатство и властолюбие, уязвляет ярость, иное возжигает похоть, одно доводит до восхищения, другое – до уничтожения, одно производит уныние и замешательство, другое – радость и благодушие, одно причиняет удовольствие, а другое – неприятность; и как же после сего страстям, возбуждаемым и волнуемым ежедневно видимым и слышимым, не превратиться когда-либо в яркий, высоко вздымающийся пламень, при непрерывном упражнении не сделаться неискоренимым навыком, и можно дойти до того, что перемена жизни будет трудна или, может быть, и вовсе невозможна? Ибо привычка, связывающая не слабее уз, не позволяет отступить, уступает несколько порыву, но тотчас снова влечет к себе желающего оставить ее. А удалившийся от дел житейских, отвращающий чувства от всего чувственного и покоящийся в себе са-

мом если и имеет страстные воспоминания, то скоро уничтожит их, потому что время, с которым все ветшает, и их мало-помалу приведет в забвение. И если не допускал он в себя этих кумиров, воздвигающих брань, то борьба у него – с простыми, естественными воспоминаниями, которые нетрудно преодолеть и победить, потому что мысль легко их сменяет и без труда отвращается от них, когда враг не может уловить ни одной из внешних приманок.

Глава 20

Сим обыкновенно враг умащает страсти и для подвизающихся делает борения мучительными и трудными. Ибо похоть не имеет такой силы, когда нет у нее пищи, [силы,] какую приобретает, когда есть то, что питает похоть; также и ярость не так одолевает, когда нет ничего раздражающего. И сластолюбие тогда возбуждается, когда нравящееся видом своим возбуждает желание. Бессильны и слабы движения страстей, когда не тревожит их воображение, пробуждающее как бы усыпленную мысль, и не удерживает при себе помысла бодрствующим и неизменным. Так, например, лицо, нравящееся своею привлекательностью, удерживает на себе внимание плотолобивого глаза, не позволяя никуда обращать его, не давая и мысли свободно перенестись на что-либо другое, хотя бы кто-то и захотел подавить [это, оно] наслаждением побеждает усилие желающего отвести око. Но для того, кого тревожат одни воспоминания, освобождение от [них] удобно и устранение [их] крайне легко. Ибо [с помощью] поучения и упражнения в словесах духовных и усиленной молитвы ум устраняется от неблагоугодного Богу и обращается к требующему рачительности по Богу, преуспевающая в сем последнем и предавая забвению первое.

[Col. 1085] Но даже всегда трезвенному помыслу невозможно совершенно смежить глаза для видимого, заткнуть

уши для слышимого, отклонить производимый ими вред, ибо много повсюду сетей, от которых уберечься трудно. И ступившему в грязь невозможно не замарать ступни, и живущему в заразном месте – не пострадать от болезни, к какой располагает окружающий воздух. Так, невозможно не примешаться сколько-нибудь к житейским нечистотам живущему среди них, хотя и не чувствует он вреда, со временем привыкнув к вредоносному.

Глава 21

Ибо иные, отведав яда в малом количестве, сначала не терпят вреда, потому что количество принятого не смертоносно; постепенным же прибавлением [дозы] сделав тлетворную силу этого яда привычной для себя, впоследствии обращают [яд] в пищу, потому что природа научается со временем усваивать себе и вредное. Кто не знает из Божественного Писания, какую во всем точность соблюдал блаженный Давид! Кому не известны по слуху его доблестные дела! И, хвалясь ими, не из хвастовства, но из любви к ближним, чтобы и другие научились делать то же, что делал он, описывает он добрые свои качества, говоря иногда: *Аз незлобою моею ходих* (Пс. 25:1), иногда же: *Аще воздах воздающим ми зла* (Пс. 7:5); а иногда: *Без беззакония текох и исправих* (Пс. 58:5); в другое же время: *Несть льсти в языке моем* (Пс. 138:4); и еще: *Благоугоди во истине Твоей* (Пс. 25:3); и, после того как и еще большее сего сказал о себе святой, говорит наконец: *Господи, не вознесется сердце мое, ниже вознесется очи мои* (Пс. 130:1). Столько надеялся он на свой навык в добродетелях, в которых упражнялся! Но в одно время вознерадел о внимательности к себе¹⁴, дозволив вдруг окунуться всюду свободно, и им привлечен был он к красоте чужой жены, а в сердце принял стрелу – пламенеющий взор, который, распалив его до неистовства, довел до прелю-

бодеяния, прелюбодеяние же вынудило отважиться на убийство, и притом убийство несправедливое; и зло, начавшись взглядом, прошло через ряд зол и кончилось так пагубно. Так грех, возрастая от малой причины, доводит до самого крайнего предела гибели. Ибо если, по словам премудрого Приточника, не должно быть другом *мужу гневливу* (Притч. 22:24), чтобы не стать (конечно, от сего общения) причастным страсти, которая, как обычно, от одержимых ею незаметно переходит на живущих с ними, то не следует ли избегать страждущих более важными и трудными болезнями, не необходимо ли это и полезно тем, которые намерены остерегаться подражания?

Глава 22

Ибо обращение с таковыми людьми делает человека подражателем, [Col. 1088] когда сам он того не знает, уподобляя злым и не желавшим дотоле быть таковыми и мало-помалу делающихся тем, чем старались они не сделаться. И Олоферна, мужа воинственного, опустошившего Иудею, сандалия пришедшей жены уловила в неистовую любовь и удержала в плену. Ибо история говорит, что *сандалия* Иудифи *похити око* (Иудифь. 16:9) Олоферна и похищение ока имело концом смерть, потому что Иудифь, нашедши, что он побежден страстью, обольщая различными способами, долгое время томила домогавшегося супружеского общения, пока не нашла удобного времени обезглавить сего несчастного, и вожделение не удовлетворившего, и погибшего бедственной и жалкою смертью. Сближающиеся с порочными, хотя сами не знают, терпят много подобного, потому что и красивое наслаждение часто увеселяет их, и блеск богатства располагает к приятным чувствам, и почесть окрыляет, и бесчестие печалит, благовонное испарение услаждает обоняние, и приправленные снеди, может быть, тем самым, что неосязаемо качество их, возбуждают вкус к пожеланию. И такая борьба как может быть полезна неразумным, опрометчиво решающимся идти навстречу опасностям, воспламеняющим в себе страсти, которые могли бы оставаться безмолвными, так, что

не бывают уже они в покое и не дают им свободы с пользою
занять чем-либо ум?

Глава 23

Ибо ум, по природе пребывающий в непрестанном движении, когда не занят заботою о суетном, попечительность свою обращает на полезное, рассуждает, о чем должно, всецело предается свойственной ему деятельности, беседует в молитве с Богом, увеселяется чтением Божественных словес, размышляет о твари и прославляет Творца за разнообразие создания, видит, что страсти в нем укрощены, примечает, что нравы благоустроены, усматривает в себе ежедневное преуспеяние в лучшем, находит состояние свое во всем упорядоченным и непрестанно благодарит за это Дарующего сию благодать и жизнь, исполненную веселия и довольства. И не имеет равной с ним цены тот, кто даже не знает о состоянии своем, каково оно, и не дает рассудку времени всмотреться и узнать, как приходят в движение страсти, вчера ли или сегодня в лучшем или в худшем он расположении, потому что много требуется свободного времени для уразумения разнообразных движений страстей, ведь каждый день они бывают разными, — как они вкрадываются, умаляясь отчасти, снова возрастая, по усердию или по лености приходя в такое или иное расположение, усиливаются и слабеют, покоятся и восстают, едят сено, подобно волам, и вожделеют мяса. Ибо первым означает, что они стали кротки, а последним, что они ожесточились и свирепеют. [Col. 1089]

Глава 24

Как ядовитые пресмыкающиеся в зимнее время года бывают спокойны и неподвижны и не причиняют вреда, оцепенев от стужи, так и страсти, оставаясь в бездействии при отвлечении [внимания на что-то другое]¹⁵, хотя не прекращаются, однако бывают на время покойны, только тогда приходя в движение, когда найдут и свободу, и досуг показать в мыслях, на что они способны, подобно зверям, при солнце и тепле выползающим и выходящим из нор. Поэтому, как рассказывают, некто из преследующих свои помыслы, долгое время проведя в безмолвии в пустыне и намереваясь опытом познать ежедневный успех, набрав в пустынном песке камней, держал их у себя за пазухой и один камень из всей кучи, если помысел подвигнут был на мысль добрую, клал по правую себя сторону, а если на мысль срамную, то по левую, и делал это обыкновенно до вечера, по одному камню прикладывая там и здесь, как требовали того приходившие на ум мысли. Потом, по наступлении вечера, пересчитывал он те и другие камни и таким образом узнавал, какой ежедневно у него, если только бывал, успех в добре. И наличие свободного времени позволяло ему делать это. Но у кого недостает времени на ежедневные тревоги, потому что их больше, чем на весь день, и своим множеством превосходят они время [которое у него есть], тот узнает ли когда что-либо из

требующего такой рачительности? Ибо ум, когда нужно рассмотреть и что-либо необходимое, не хочет иметь заботы и не привык к этому, хотя бы и желал поразмыслить о чем-то другом, кроме того, чем озабочен; подобно глазу, он смотрит на что-либо одно и по природе своей не может зрительную силу разделять сразу на многие предметы.

Глава 25

Итак, почему же этот, живущий в опасностях, лучше живущего безопасно? Ибо хотя по видимости идут они одним путем добродетели, однако же не одинаково совершают оный. Один в безмолвии, как днем, внимательно обзрев и узнав все, что на пути есть трудного и удобного, безопасно проходит им, уклоняясь от утесов и обходя стремнины. Другой во мраке заботливости, как ночью, падает в ямы, бьется о камни и, подобно слепому, претыкается при всяком препятствии. И похвала смотрящих на дело его расслабляет его, и слава успешно совершенных дел надмевает до безрассудства, и пренебрежение не удивляющихся его добродетели печалит его, как бесчувственность, и кажущееся пред другими преимущество в добре доводит его до высокомерия. И ему необходимо, иногда предаваясь кичливости, веселиться без меры, а иногда, падая духом и стесняясь, приходить в уныние. А живущий в отшельничестве не меняет сих расположений, не знает ни хвалящих, ни порицающих, пребывает один с единым венчающим труд Богом – сам знает свое [Col. 1095] дело, но и от себя старается многое скрыть, ибо человеку можно иногда сделаться хвалителем себя самого, надмившись детским суемудрием, и через это от себя самого потерпеть вред, какой, возбудив к себе удивление, потерпел бы от других.

Глава 26

Блажащии вас льстят вы (Ис. 3:12) – прекрасно сказано в Божественном Писании о делающих доброе напоказ. Кто же будет ублажать человека, которого не видит, и кто ублажением обольстит до самомнения добровольно бежавшего от людей, чтобы чьими-либо похвалами не умалить награды своей от Бога, и, по Господнему слову, скрывающего от левой руки всякое дело правой руки (см. Мф. 6:3), чтобы знать о деле, что оно сделано, а не знать, чем оно выставляется, самого себя скрывая от той половины, в которой зарождается хвастливость? Левая рука же узнает дело правой, когда раздает что-то по славолюбию, и скрываемое правой рукой старается разглашать для уловления славы. Посему дававшие имена в древности подвижающихся в городах удачно именовали голубицами, а жительствующих в пустынях и местах непроходимых – горлицами, потому что первые упражняются в добродетели пред глазами зрителей и произвольно или невольно чернят себя человекоугодием, или увлекаясь похвалами многих, или же часто и намеренно стремясь к тому, чтобы прославиться, конечно, имея в виду пользу видящих, что не есть еще чело-векоугодие, однако же очерняет, без сомнения, добродетель и по мере сего умалает награду за труд, почему и действительно уподобляются они голубице, которая выводит птенцов и отдает их на закланье людям.

Последние же все, что они делают, без ущерба и всецело посвящают Богу неповрежденным, подобно горлицам, которые отпускают из гнезда птенцов живыми на воздух. Таково совершаемое сокровенно в благоугождение Богу, оно живет и крепнет и составляет неизменное достояние потрудившегося. А то, что желает иметь свидетелями людские взоры, подобно одежде, и зарождает тлю тщеславия и повреждается ею.

Глава 27

Положим, что вполне любящий людей, лучше же сказать, всегда обращающийся

с людьми и не потерпит ничего такого, что терпеть необходимо, и не понесет никакого вреда от причиняющих обыкновенно вред, как это сказано, – уступим слову, чего не уступает сама истина, – но видит он, что незаконно делают высшие с низшими, как обижают и терпят обиды, как тиранствуют и страдают от тирании [других над собой], как грабят и подвергаются грабительству, – видит он сие, без сомнения, и состраждет к страждущим, [Col. 1093] разделяясь в расположении к тем и другим, негодуя на притесняющих и жалея притесняемых, исполняясь гнева и преклоняясь на милость, раздражаясь и уязвляясь внутренне, иногда даже порицая долготерпение безмолвно взирающего на сие Бога. Сему подвергшись некогда, пророк Аввакум показывает это и другим подвергающимся тому же, чему подвергся он: *Векую мне показал еси труды и болезни, яко нечестивый пресобидит праведнаго* (Авв. 1:3–4); и: *человеки сотвори яко рыбы морския* (ср. Авв. 1:14), пожирающими себя самих. Так пророк с пламенной ревностью и дерзновенно жалуется Богу на сие терпение и попущение как на безначалие. И какая необходимость принуждает принимать участие в бедствиях других того, кто ничем не может помочь и притом грешит,

хотя и не великое еще дело от того, что другие поступают худо, приходить в смятение уму, который должен пребывать в мире? Так погрешают живущие в многолюдном обществе, хотя не погрешали бы, отделившись от многолюдства, и при том терпят ущерб в наградах за труды ради славы человеческой. Ибо, хотя удивляющиеся им более, нежели пребывающим на безмолвии, тысячекратно будут утверждать, что дивятся их пребыванию среди многолюдства, однако же очевидно то, что они связаны сими узами и тем самым, что избрали для жительства места, причиняющие вред, и без обвинителя громко сами против себя вопиют, тогда как, с другой стороны, удалившиеся от хвалящих самым делом ясно свидетельствуют, что попрали они славу, которой удивляются многие: и пост для них не пропадает, и бодрствование не гибнет, и молитва не подвергается крушению, и терпение не обкрадывается, и всякая иная добродетель не расхищается, потому что нет похвал, которые могли бы разграбить труды. Их видит один Бог, при них присутствующий и усердие умягчающий для больших подвигов и наград, и ныне оказывающий содействие, и по отшествии дающий вечную жизнь Господом нашим Иисусом Христом. Ему слава и держава во веки веков! Аминь.

[Col. 1236]

УВЕЩАНИЕ К МОНАХАМ¹⁶

1. Неумеренность в пище пресекается постом, необузданность же блуда уничтожается постом и молитвой.
2. Любостяжание, мать идолослужения (ср. Кол. 3:5), утесняется нестяжанием, мирские же заботы пресекает надежда на Бога.
3. Блуждающий ум утесняется чтением слова Божия и бодрствованием с молитвою.
4. Вторжение гнева умирается долготерпением и псалмопением.
5. Уныние сдерживается терпением и слезами, а мирская печаль утишается ненавистью к наслаждениям.
6. Смиренномудрие приобретается гостеприимством и отложением любоначала и превозношения, гордость же, первоначальное зло, которая есть мерзость пред лицом Божиим (ср. Лк. 6:15) и которой противится Бог, прекращается обильным смиренномудрием, говорящим: «Я есть земля и прах» (Быт. 18:27) и: *еще не Господь созиждет дом, всуе трудишася зиждущии* (Пс. 126:1), и таким образом сохраняющим искушаемого.
7. Как не может мутная вода стать чистой, пока не отстоит в покое, так и невозможно познать монашеское устроение без безмолвия.
8. Как невозможно быть атлету увенчанным без борьбы, так и невозможно стать учеником Христовым без подвигов.
9. Как неправильны весы, у которых одна чаша тяжелее

другой, так и невозможно исполнить заповедь Божию, будучи отягощенным плотскими помышлениями.

10. Так же как невозможно научиться искусству, не занимаясь с усердием, так и невозможно приобрести молитву, не умудрившись в правоте сердечной.

11. Кто не приобрел чистой молитвы, не имеет оружия для [духовной] битвы.

12. Украшенный и выметенный от добродетелей Божиих становится жилищем демонов (Мф. 12:44—45). [Col. 1237]

13. Как невозможно поселиться царице в доме бедного, так не поселится Христос в душе, запятнанной грехом.

14. Так же как дикое место становится возделанным посредством усердного трудолюбия, так и душа, одичавшая от грехов, возделывается, управляясь законом Божиим.

15. Так же как крепкая скала в море стоит и не колеблется, будучи захлестываема волнами, так и тот, кто добродетели исполнил и ими стал совершенно защищен, не поколеблется диаволом.

16. Так же как врач для исцеления болезни изобретает лекарство, так и ведение Бога, сохраняемое, научает обладающего им, чтобы он сохранился и еще большего достиг бы.

17. Так же как ущелье для себя становится проходом, так и грех, усваиваемый, становится для обладающего им гибелью.

18. Как невозможно попавшему в сети оленю легко убе-

жать, так не избежит греха исполняющий вожеления и в мире сем обращающийся, ибо лукавые вожеления и наслаждения – это неразрываемые путы.

19. Так же как виноградник, не приносящий добрых плодов, вырубают, чтобы не занимал место (ср. Лк. 13:6–9), так и от Господа искоренится всякий, не творящий плодов Духа Святого.

20. Так же как невозможно человеку, раненному стрелой, не претерпеть вреда, так невозможно и монаху, принявшему дурной помысел, не получить [душевной] раны.

21. Так же как уходящий с прямой дороги заблуждается в чужих местах, не зная, куда идти, так заблуждается и человек, не верующий в Единосущную Троицу.

22. Так же как кто-то, на многие части разделяемый, единым остается, так и Святая Троица: хотя Она именами и Ипостасями разделяется, но по природе едина есть. Природу Бога не постигнешь, если и на крыльях взлетишь, так как Бог непостижим, потому что Он нам Творец.

23. Так же как изготавливаемый сосуд не знает начала и природы своего создателя, так и человек не сможет исследовать природу и начало Бога.

24. О Троице не любопытствуй, но только веруй и поклоняйся, ибо любопытствующий не верует.

25. Приобретайте премудрость, а не серебро, сотворите себе светлые одежды Христа и Бога нашего, что дороже всякой одежды, сотканной из виссона, потому что эта не помо-

жет в день смерти.

26. Так же как огонь сжигает лес, так будет гореть всякий грешник в вечном огне, и этому не будет конца, ибо будут бессмертными мучения.

27. Нет ничего великого в том, что мы становимся праведными, ибо таковыми мы и были сотворены изначально — весьма добрыми. Таковыми снова и да будем. [Col. 1240]

28. Живущий вопреки природе не соблюдает заповедей Божиих.

29. Всякая [истинная] премудрость боится Господа (ср. Сир. 1:15), всякое же образование, не учащее закону Божию, есть глупость и неразумие.

30. Не избавят от вечного огня вера и крещение без дел праведности. И если ты сопричислился Христу, храни заповеди Его, и если веруешь в будущее [награды и наказания], то и [на деле] позаботься о стяжании вечной славы и убойся огненного меча (Быт. 3:24); если же не исполняешь повелений Божиих, то и не называй себя верующим.

31. Всякая тварь повинуется повелению Божию, один лишь человек непослушен, оттого и все остальное [зло в нашей жизни] происходит.

32. Ничего не предоставим Богу, если лишь чистоту свою будем хранить, но [лучше] позаботимся о своей [вечной] жизни и причастии неизглаголаных вечных благ.

33. Не говори, что, мол, не могу сохранить заповедь Божию из-за отца, или матери, или жены, или чада, или кого-то

другого, ибо они не избавят тебя от будущего гнева и нескончаемого червя. Пусть будет тебе всякий мешающий исполнению [повелений] Божиих или добродетелей мерзок и ненавистен и недостаточно хорош, чтобы с таковым даже не есть вместе (1 Кор. 5:11).

[PG. 79. Col. 1240]

МЫСЛИ, КОТОРЫЕ ЧЕЛОВЕКА ОТВОДЯТ ОТ ТЛЕННОГО И ПРИЛЕПЛЯЮТ К НЕТЛЕННОМУ

1. Вот лучший и краткий путь к добродетели – бегство от мира.

2. Вождеlevающему нетленного надлежит ни во что вменять тленное.

3. Если желаешь приобрести истинную жизнь, ожидай всегда человеческой смерти.

4. Возненавидь настоящую жизнь, ибо, смотри, колесо ее вертится без порядка.

5. Не вождеlevей благ, пользование которыми преходяще и обладание которыми утрачивается.

6. Смейся над теми, которые во всем благоуспешны, а сострадай тем, которым во всем неудача, ибо первое ведет к награде, а последнее – к любомудрию. [Col. 1241]

7. Упражняйся в терпении, в каком, как знаешь, подвизались мученики (μαρτυρες), потому что и от нас требуется мученичество¹⁷ (μαρτύριον) совести.

8. Всему предпочитай душу, и путь добродетели совершится тогда без труда. Все тленно, а душа бессмертна, потому тленному надлежит предпочитать бессмертное.

9. Готовься к скорбям, и приобретешь пользу еще большую¹³.

10. Проси у Бога не приятного, но одного полезного. Если попросишь первого, Бог не даст, а если и получишь, оно пропадет.

11. Не порицай нищеты, потому что она соделывает подвижника неотвлекающимся в исполнении Закона.

12. Не веселись при богатстве, потому что заботы о нем, всего чаще и против воли, отлучают человека от Бога.

13. Близок конец, да готовится ленивый к понесению наказания.

14. Недалеко до жатвы, поэтому душевную ниву очистим от терния.

15. Ничто не сокрыто от Судии, поэтому напрасно стараемся грешить скрытно.

16. Прежде людей стыдись Ангелов, потому что при нас их много, и устраняй себя от всякого постыдного поступка.

17. Заботливо помышляй о весах Судии, и изгонится из тебя всякая, какая есть в тебе, примесь житейского мудрования.

19. Помышляй всегда о непостоянстве настоящей жизни,

¹³ Праздность и покой почитай для себя ущербом и спеши сделать что-либо такое, что потребуется от нас [в будущем на Суде].

и ничто в ней не в состоянии будет отвлечь тебя [от жизни духовной].

20. Да не услаждают тебя земные приятности, которые временны: это крючок, словно рыбу, приманивающий и уловляющий душу.

21. Старайся не впадать в искушения, [а если впал,] покажи мужество.

22. Никогда не презирай проливающего слезы бедняка, чтобы не были презрены слезы твоей молитвы.

23. Любомудрие, самое преимущественное достояние людей, хочет одно пребывать и с одним приобретшим его.

24. Добродетель – Божий хитон; научись ткать ее, и будешь облачающим Облачающего тварь.

25. Что на земле, то похищается ворами (ср. Мф. 6:19). Ты же приобретай небесное, ибо сие недоступно пальцам похитителей.

26. Должно отказаться от роскоши, потому что вовлекает в дела, от которых после трезвения бывают вздыхания.

27. Всего лучше гнушаться плотолюбивых помыслов, потому что [они] и тело растлевают, и душу оскверняют.

28. И земные блага не без трудов достаются; [Col. 1244] почему же уклоняемся от благ небесных по причине трудов?

29. Хочешь ли без труда творить добродетель? Рассуждай о труде, что он временный, а о награде, что она вечная.

30. Все истаивающие от желания неприличных удовольствий пусть рассуждают о кратковременности наслаждения

и о продолжительности наказания.

31. В какой мере нечиста жизнь, в такой же и душа делается скотскою; и плакать должны дошедшие до этого, как повредившие разумное начало [в себе], и притом сами.

32. Все почитай тленным и добродетель только – нетленною.

33. Пренебреги всем прочим, что делает человека скотоподобным, и делай то одно, что может сделать тебя небесным.

34. Прилагай попечение о добродетели, потому что она через любомудрие Адама богом являет¹⁹.

35. Владеешь чревом? Владей и языком (Иак. 3:5-12), чтобы, когда остаешься рабом одного, и освобождение от другого не было бесполезным.

36. Люби Бога и не будь более, чем к Нему, пристрастен к своим близким, чтобы тебе не оказаться, по слову Его, хотя бы и не желал ты, недостойным Его (см. Мф. 10:37).

37. Будь терпелив в скорбях, потому что венец [уготован] для подвизающихся в них.

38. Терпеть зло – блаженное дело, а делать – преокаянное, ибо кто терпит, тот наследник Христа, а кто делает, тот сонаследник диавола.

39. Прекрасен хлеб поста, потому что нет в нем закваски удовольствий.

40. Свят жертвенник молитвы, потому что привлекает к нам Святого святых.

41. Не почитай справедливость неважным добавлением добродетели, потому что без нее всякое дело нечисто.

42. Если сеешь в нищих, то сей свое, ибо чужое и плевелы превосходит горечью.

43. Слеп милостивый, если он несправедлив: возделывает поле, с которого не может собрать жатвы.

44. Всегда ожидай, но не бойся смерти; то и другое – истинные черты любомудрия.

45. Носи на себе образ добродетели, но не для того, чтобы обмануть видящих тебя, а чтобы принести им пользу.

46. Говорить надлежит о хорошем и тому, кто не делает хорошего, чтобы, устыдившись слов, начать и дела.

47. Если возделеешь неба, то у тебя ничего нет общего с землею, потому что земля не позволяет воспарять на небо.

48. Не желай разбогатеть благодаря нищелюбию, потому что Бог узаконяет праведнику подавать милостыню от имеющегося²⁰.

49. Если чаша студеной воды оправдывает милосердного (Мф. 10:42; Мк. 9:41), то какая награда ожидает расточающего все на нищих?

50. Чистота и сострадательность – родители²¹ добродетелей, [Col. 1245] поэтому без той или другой невозможно быть Христовыми воинами (ср. 2 Тим. 2:3).

51. Не пренебрегай сострадательностью, ибо она Благого Владыку низвела с неба²².

52. Не говори: «Отмщу врагу!» Ибо есть у нас Праведный Судия на небе.

53. Не желай ни жить роскошно, ни разбогатеть, ни прославиться, потому что это – житейский тлен, а мы созданы не на нетление.

54. Не плачь над умершим: это общий путь. И кто достиг конца, тот блажен.

55. Плачь о грешнике, а не о нищем, ибо последний увенчивается, а первый терпит наказание.

56. Смейся над колесом жизни, которое вертится без порядка, но остерегайся бездны, в которую низвергает оно засыпающих на нем.

57. С Богом беседуй много, а с людьми мало; поучением себя в Законе преуспеешь в том и другом.

58. Прекрасная баня для души – слезы во время молитвы, но после молитвы помни, о чем ты плакал.

59. Не ублажай сильных мира, потому что *сильнии же сильнее истязани будут* (Прем. 6:6); почему и Судия будет к ним строже.

60. Адаму должно было трудиться (Быт. 3:17–19), а мы, трудясь в Законе, приобретем награду.

61. Наследникам Евы необходимо скорбеть (Быт. 3:16), но, когда переносим скорби с благодарением, для нас клятва обращается в благословение.

62. Вместо светильника при рассмотрении поступков своих употребляй совесть; она показывает тебе, какие поступки

в жизни твоей добры и какие – дурны.

63. Будем осуждать самих себя, и Судия умилюется, ибо, как Благой, радуется Он, видя, что грешник расточает [греховное] бремя свое.

64. Если сделано нами что-либо нечистое, омоем это покаянием, потому что образ Божий должны мы [Богу] представить в себе чистым.

65. Прежде, нежели обнажены будут душевные язвы, уврачуем их, чтобы сими врачевствами и наказания обратить нам в свою пользу.

66. Как связанным трудно ходить, так и прилепившиеся к житейскому пути добродетели не совершают чисто.

67. Надлежит возненавидеть грех; в таком случае, если и поползнется кто на грех, скорее может выйти из сетей его.

68. Кто не возненавидел греха, тот, если и не делает греха, причисляется к грешникам. [Col. 1248]

69. Вздохни о согрешающем ближнем, чтобы вместе с тем вздохнуть и о себе, ибо все мы повинны во грехах²³.

70. Согрешающему другу напomini о Судии, и заживишь свою язву, потому что это лекарство совета общее [полезно и ему, и тебе].

71. Намереваясь что-нибудь сказать или сделать, позаботься об оправдании, которое вскоре от тебя потребуеться, – и, будучи исправляем страхом, уцеломудришься.

72. Наказания за грех бойся, а стыда ужасайся, потому что безмерна тяжесть того и другого.

73. Красота и множество будущих благ беспредельны, а настоящее – тень, дым, водяной пузырь.

74. Не сей дурное, потому что жатва близко и насадителя терний ожидает огонь.

75. Лицемеры, любостяжатели, сластолюбцы – розы жизни [сей], но потерпи немного, и увидишь, что трава эта [будет] потоптана.

76. Всякий худой поступок вооружает диавола, но вооруженный жестоко обходится с вооружившими.

77. Хочешь ли привести в изнеможение врага? Отсеки грех, и над ним, лишенным сих крыльев, можно издеваться, как над воробьем.

78. Горе нечестивому, потому что, когда все просвещаются, тогда он омрачается.

79. Горе богохульнику, потому что у него связан язык и не в состоянии он сколько-нибудь оправдаться пред Судиею.

80. Горе беззаконнику, потому что пойдет к строгому Судии и правдивому Законодателю.

81. Горе любостяжательному! Богатство от него бежит, ожидает же его огонь.

82. Горе ленивому! Взыщет он то время, которое употребил худо.

83. Горе высокомерному! Когда сойдет во гроб, узнает, кто он.

84. Горе блуднику, оскверняющему брачную ризу! Со стыдом изгоняется из брачного царского чертога.

85. Горе ругателю и вместе с ним пьянице! В один ряд поставляются они с убийцами и наказываются вместе с прелюбодеями.

86. Горе роскошествующему! Недолго ему утучняться, как тельцу, уготовляемому на заклание (ср. Иак. 5:5).

87. Горе лицемеру! Пастырь от него отрекается, и Судия²⁴ кажется ему волком.

88. Блажен, кто идет путем тесным (Мф. 7:14), потому что венценосцем восходит на небо.

89. Блажен, кто попирает земные удовольствия: борьбы с ним трепещут демоны.

90. Блажен, кто чист в добродетели и нелицемерен в душе: будет он судить мир, а не судим будет вместе с миром (ср. Мф. 19:28; 1 Кор. 11:32).

91. Блажен, кто высок по жизни и смирен по образу мыслей: [Col. 1249] он подражает Христу и с Ним совоссядет.

92. Блажен, у кого Закон не сходит с языка: Бог не оставляет скинию его.

93. Блажен, кто многим делает добро: на Суде найдет он многих защитников.

94. Блажен, у кого в добродетели нет худой примеси, потому что лопата Судии (ср. Мф. 3:12) не вводится им в обман.

95. Блажен, кто украшает дела свои прежде, нежели явит их огонь, которым все искушается (ср. Мк. 9:49).

96. Блажен, кто поспешает к Будущей Жизни, потому что

настоящее издает запах тления и влечется к смерти.

97. Блажен, кто расточает, что собрал (ср. Пс. 111:9), и чистым предстает Чистому Судие (ср. Тит. 1:15).

98. А главное в слове следующее: не неради о душе, потому что скоро станешь пред весами на Страшном Судилище Христа, Бога нашего.

99. Ибо, так же как милостивые, и т. д.

[PG. T. 79. Col. 1249]

СВЯТОГО НИЛА, ЕПИСКОПА И МУЧЕНИКА, ГЛАВЫ
УВЕЩАТЕЛЬНЫЕ²⁵

1. Начало спасения есть осуждение самого себя.
2. Лучше бесцельно бросить камень, нежели слово.
3. Ко всем относиться так, как хочешь, чтобы все относились к тебе (ср. Лк. 6:31).
4. Упражняйся более в деле праведности, нежели в слове.
5. Благочестив не тот, кто многим оказывает милость, но тот, кто не погрешает против кого-либо.
6. Жить лучше на соломенной подстилке и быть бодрым, чем иметь золотой одр [больного].
7. Приятен тот друг, который душу питает.
8. Бога словами воспевай, делами чти, в мыслях почитай.
9. Священника разумение, жизнь и благородство почитай.
10. Хуже всего быть рабом всем позорным вещам.
11. Словом добродетели учи, делом же ее храни.

12. Не [просто] иметь добродетель считай прекрасным, но [иметь ее] как подобает. [Col. 1252]
13. Закон почитая, по закону и живи.
14. Странник тот, кому чуждо все мирское.
15. Завистник наказывает сам себя, ибо, на другого наговаривая, страдая, впадает в зло от себя самого.
16. Богатому не льсти, не раздражай [его].
17. Укрепляет тело – вино, а душу – словеса Божии.
18. Пищу употребляй не приятную, но полезную.
19. Тот, кто склоняется угождать толпе, станет сам подобен толпе.
20. Более всего – пользуйся телом своим.
21. Трудолюбив тот, кому времени не хватает.
22. Мужа-христианина не вид воспринимай, но помышление души.
23. Порочить невиновного – грешить против Бога²⁶.
24. Ушей и языка опасность велика.
25. Имей страх Божий и любовь Божию и поступай со всеми по чистому свидетельству совести.
26. Веруй, что при каждом твоём деле присутствует Сам Бог.
27. Похвал бегай, но стыдись и укоризн.
28. Радуйся добродетели, когда поступаешь добродетельно, но не превозносишь ею, чтобы не случилось крушения в пристани.
29. Насколько преуспеваешь в законе, настолько же при-

знавай себя далеким²⁷ от совершенства.

30. Исследуй конец всякого дела прежде его начала.

31. Ночью и днем взирай на последний день. И никакая любовь к настоящей жизни да не привлекает тебя к земле²⁸.

32. Не вступай в общение с тем, кем, как видишь, гнушаются²⁹ добрые.

33. Делаешь ли что, или говоришь, или любомудрствуешь, старайся никому не быть во вред.

34. Не увеселяйся цветами жизни; это цвет травный: как скоро прикоснешься, увядает.

35. В скорбях благодари, и облегчится греховное бремя.

36. В искушениях веди себя осторожно, потому что они обличили многих, которые были выше тебя.

37. Не порицай Божия долготерпения, ибо оно – общее врачевство.

38. Презирай превратности жизни, чтобы на Бога не наклеветать.

39. Будем внимательны к себе и не станем осмеивать других.

40. В нас самих много такого, за что смеемся над другими.

41. Молитвенный псалом да будет в устах твоих, ибо произнесение Божия имени обращает в бегство демонов.

42. Молитва да будет с трезвением, чтобы не просить нам у Бога того, что не благоугодно Ему.

43. Памятуй всегда о Боге, и ум твой сделается небом.

44. Обуздывай око, потому что и сам не знаешь, где оно блуждает.

45. Удерживай язык; он часто произносит то, что лучше было бы утаить. [Col. 1253]

46. Воздělывай ум поучением в Законе, потому что поучающийся непрестанно искореняет в себе лукавые помыслы.

47. Добродетели скрывай, но старайся иметь многих свидетелей жизни своей.

48. Возненавидь плотские удовольствия, потому что вместе с телом нечистою делают и душу.

49. Давай плоти то, что ей нужно, а не что хочет она получить.

50. Не люби роскоши, потому что она внушает приверженность к здешней жизни, а от той и другой рождается вражда на Бога.

51. Отвращайся от житейских радостей, ибо доводят они до поползновений и преткновений на жизненном пути.

52. Богатство, если имеешь, расточай, а если не имеешь, не собирай.

53. Пост почитай оружием, молитвы – стеною, слезы – ба-
нею.

54. В чем ни согрешишь, обо всем этом воспоминай с вздоханием: от сего происходит в душе сокрушение.

55. Снабжай бедных; они умилоствуют к нам Судию.

56. Принимай участие в нуждах святых, потому что через

них придешь в общение с Богом.

57. В церковь ходи, как на небо, и в ней не говори и не помышляй ни о чем земном.

58. Иметь в довольстве потребное для жизни признавай необходимым, а попечение о том предоставь Богу.

59. Изнуряй плоть добрыми трудами, но позаботься не приводить ее в совершенное изнеможение.

60. Пей вина как можно меньше; насколько убавляется его мера, настолько же оно и благотельно для пьющих.

61. Сдерживай в себе гнев, потому что он, выходя из меры, делается отцом безумия.

62. В болезнях прежде врачей и лекарств пользуйся молитвою.

63. Иереев всех почитай, к добрым же прибегай.

64. Люби Божии дома, но и себя устрояй в дом Божий.

65. Часто ходи в церковь, потому что избавляет она нас от смятений и внешней бури.

66. Что на земле временно, то, разлучаясь с тобой, пусть не печалит тебя ныне.

67. Когда зарождается в тебе помысел сладострастия, противопоставь ему стыд перед людьми и оскорбление Богу.

68. Ограждай слух и очи, потому что через них входят все стрелы порока.

69. Когда молишься, возведи помысел к Богу; и если, развлекшись, не удержится на сей высоте, возведи его снова.
[Col. 1256]

70. Ум не перестает порождать помыслы³⁰, а ты худые искореняй, а добрые возделывай.

71. Люби смирение: от него великая высота, которая и пасть не может.

72. Столько подвизайся, сколько нужно, чтобы ослабить плотские восстания; а если изнеможешь, врачуй тело для здоровья, а не для удовольствия.

73. Лукавые помыслы вытесняй иными помыслами.

74. Помышляй о благолепии небесных благ – и не войдет в тебя никакая любовь³¹ к земле и к земным наслаждениям.

75. Когда приходится тебе помыслить что-либо о Боге, если это низко³², возвышай, а если возвышенно, умеряй не Бога, но себя, потому что небезопасно все то, что преступает меру, какая для нас вместима.

76. Верь, что худые помыслы – диавольский посев; этим они прекращаются, а сеятель посрамляется.

77. Берегись излишнего смеха: он расслабляет душу, а душа, расслабев, легко сбрасывает с себя узду закона.

78. Душевные силы уделять должно на дела и молитвы; тогда не много входов найдет к нам диавол.

79. Чтение Закона признавай делом, когда ум, желая пожинать что-либо полезное, и языком трудится над книгами.

80. Если простираешь руку к работе, то пусть язык поет, а ум молится, потому что Бог требует от нас, чтобы всегда мы памятовали о Нем.

81. Молитвою запечатлевай всякое свое дело, а наипаче то, при котором видишь помысел колеблющимся.

82. Если хочешь, чтобы дела рук твоих были божественны, а не перстны, то приобретенное ими пусть будет у тебя общим с нуждающимся.

83. Радуйся встрече со святыми, потому что через них является Бог.

84. Истинно святых отличай по делам, потому что *всякое дерево познается по плоду* (Лк. 6:44).

85. Старайся всегда воспользоваться чем-нибудь от лицезрения святых; наблюдай их взгляд и наружность, потому что весьма полезно то и другое.

86. Сердцем упражняйся в незлобии, а телом в чистоте; то и другое соделывает тебя храмом Божиим.

87. Так сохраняй храм твой³³, как храм Создавшего, Имеющего судить и Устрояющего, чтобы ты, образ Его, был чист.

88. Беседы с людьми мирскими отлучают помысел от Бога, поэтому и не разговаривай с ними и от разговаривающих уклоняйся. [Col. 1257]

89. Когда злословят тебя, смотри, не сделано ли тобою что-либо, достойное злословия. А если не сделано, то злословие почитай улетающим дымом.

90. Если чем обижен, прибегай к терпению, и вред перейдет на обидевших.

91. Когда видишь богатство, или славу, или мирское владычество, размысли о том, что в них есть тленного, и избе-

жишь обольщения.

92. Терпи скорби, потому что в них, как розы в терниях, растут и воспитываются добродетели.

93. Ничего не почитай по достоинству равным добродетели, потому что она – образ Божий, как Сам Бог, непреложна.

94. Плачь о грешнике, когда все ему удастся, потому что простирается над ним меч правосудия.

95. Матерью пороков признавай леность, потому что блага, какие имеешь, расхищает, а каких не имеешь, не допускает приобрести.

96. Когда поступающий худо не стыдится сего, тогда язва делается тяжкою и падение доходит до отчаяния.

97. Как скоро падешь духом, размысли, сколько благоготовано верным, и удобно приобретется тобою духовный плод³⁴.

98. Верному надлежит смиряться перед всеми, ибо смиряться только перед некоторыми значит иметь смирение ложное³⁵.

99. Ничего не предпочитай любви к ближнему, кроме того случая, когда вследствие ее презирается любовь к Богу.

100. Ни к чему не прилепляйся и не имей пристрастия вопреки Божию Закону, ибо сие недостойным Бога делает предпочитающего Ему кого-либо.

101. Не будь защитником худых людей, потому что их поощряешь на худое, а сам оскверняешься общением в их деле.

102. Вразуми согрешающего, но не осуждай падающего,

ибо последнее есть дело злоречивого, а первое – желающего исправить.

103. Старайся всегда слышать и говорить о том, что свойственно святым, потому что сие возбуждает душу к доброму соревнованию. [Col. 1260]

104. Если ум у каждого из нас есть домашняя церковь, то и церковные уставы обязаны мы совершать в нем.

105. Если в церкви совершается служба, будь при ней, а если не совершается, прочтя апостольское благовестив, иди домой.

106. Славу добродетелей рассматривай во святых, потому что слава их и по смерти бывает бессмертна.

107. Тогда возненавидишь порок, когда рассудишь, что это демонский блещущий над нами меч.

108. Если вразумляешь падшего, то слова свои срастворь состраданием, тогда и слух его смягчится, и просветится сердце.

109. Когда говоришь со святыми, вопрошай о духовном, а когда не со святыми, не говори об этом.

110. В добрых делах всегда поспешай, чтобы, оставив их почему-либо неоконченными, и самому не отойти отсюда недовершенным.

111. Так беги, *чтобы получить* (1 Кор. 9:24), то есть иди без отдыха, потому что вслед добродетели идти должно, пока не сойдем с поприща жизни.

112. Не будь нерадивым в делании заповедей, потому что

у нерадивых к одному труду прилагается другой бесполезный труд.

113. В терпении упражняйся и прежде нужды, чтобы в нужде найти его готовым оружием.

114. Препирайся с лукавыми помыслами и говори им, что сказано в Законе.

115. С великим старанием отводи око от жизни сей, потому что восходящий от нее вредный дым делает душу мутною.

116. Если овладела тобою какая-нибудь дурная привычка, отсекай ее понемногу, и без большого труда терние это извлечешь из души.

117. Бога, как чистого, люби чисто; и как Он есть Сущий над всеми, то все почитай низшим Его.

118. Если желаешь быть храмом Божиим, то в качестве повседневной жертвы молитву Ему приноси.

119. Живущего нерадиво не бери в советники, потому что, любя дурное, не может он вместе и ненавидеть добро, и его же советовать.

120. От всякого воздерживайся тления и Таинственной Трапезы всякий день будь причастником. Ибо так Тело Христово нашим становится.

121. Когда терпишь наказание от Бога, не ропщи, потому что Он хотя и наказывает, но – как Отец и достоин благодарения как Благодетель.

122. Когда обесчестят тебя, радуйся, ибо если несправед-

ливо, то велика тебе награда, а если справедливо, то, как скоро уцеломудришься, избавишься от наказания.

123. Тени и колесу уподобляй житейские скорби и радости, потому что непостоянны, как тень, и вертятся, как колесо.

124. Старайся всегда преуспевать по Богу, ибо прилагающий малое к малому [Col. 1261] в короткое время собирает прекрасное богатство, которого все домогаются.

125. Если желаешь избежать тяжести мучения, никогда не злословь, ибо сие прогневляет Бога.

126. Если желаешь от дома своего отворотить всякое наказание, не говори худо о человеке соплеменном, ибо Создавший его справедливо на сие гневается.

127. Если хочешь быть выше всякого греха, то не старайся дознавать чужие дела; и в тебе много того же, в чем подзреваешь другого.

128. Избегай гордости, человек, хотя ты и богат, чтобы со временем не иметь тебе противником своим Бога.

129. Возлюби смиренномудрие, хотя ты и велик, чтобы возвыситься в день Суда.

130. Не насмехайся над человеком, и во всю свою жизнь не потерпишь насмешки.

131. Когда ты в церкви, не пари умом, ибо стоящие пред Царем не смеются и не предаются рассеянности.

132. Не пренебрегай своею жизнью и не поступай, несмотря ни на что, вопреки Закону, чтобы не погибнуть беззакон-

но.

133. Со всею несомненностью помни сказанное, чтобы соделало тебя сие славным по жизни.

134. Ревнуй о досточестной жизни, чтобы иметь тебе дерзновение исправлять согрешающих.

135. Огради себя от высокомерия, ни с кем не входи в ссору, чтобы не быть осужденным за высокоумие.

136. Не смейся над падениями других, чтобы и тебе не быть осмеянным теми, от которых того не хочешь.

137. Сохраняй советы сии, чтобы доставили тебе венец славы.

138. Будь исполнителем сих заповедей, чтобы они соделали тебя славным перед людьми и благоугодным Богу, ибо так услаждается Божество и такими успехами почитается Бог.

139. Всегда старайся преуспевать в добрых делах, ибо путь к добродетели есть бегство от здешней жизни.

[Col. 1262]

СЛЕДУЮЩИЕ ВОСЕМЬ СЕНТЕНЦИЙ, КОТОРЫЕ ИЗДАЛ СУАРЕС³⁶

1. Блажен, кто высок по жизни и смирен по образу мыслей: он подражает Христу и с Ним совоссядет.

2. Блажен, у кого Закон не сходит с языка: Бог не оставляет его скинию.

3. Блажен, кто многим делает добро: на Суде найдет он

многих защитников.

4. Блажен, у кого в добродетели нет худой примеси, потому что лопата Судии не вводится им в обман.

5. Блажен, кто украшает дела свои прежде, нежели явит их огонь, которым все искушается.

6. Блажен, кто поспешает к будущей жизни, потому что настоящее издает запах тления и влечется к смерти. [Col. 1264]

7. Блажен, кто расточает дурное, что собрал, и чистым предстает чистому Судии.

8. А главное в слове следующее: не неради о душе, потому что скоро станешь пред весами на Страшном Судилище Христа, Бога нашего. А также не знаешь, когда смерть придет.

Высказывания в русском издании ТНС, не найденные в издании PG

1 (90). Без сокрушенного сердца невозможно освободиться от порока, а сердце приводится в сокрушение трояким воздержанием, разумею воздержание от сна, от пищи и от телесного покоя.

2(91). Блажен, кто неусыпен в молитвах, чтении и добрых делах: таковой просветится, чтобы не уснуть ему в смерть (Пс. 12:3).

3(140). И воин, если не будет прежде обучен долговременным упражнением и испытан в трудах и в битвах, показав на

опыте, что одерживает победу над врагами, не прославляется.

4 (141). Тем паче у Небесного и истинного Царя никто не удостоивается принять небесные дары Святаго Духа, если не будет предварительно упражняться в изучении святых заповедей и таким образом не примет небесного оружия самой благодати и не вступит в борьбу с духами злобы.

5 (142). В какой мере преуспевает он в духовном подвиге, в такой восходит на высоту тайн Духа и утаенных сокровищ Премудрости.

6(143). И в какой мере обогащается благодатию, в такой преуспевает в познании умышлений злобы при помощи Владыки.

7 (144). Ему слава и держава вовеки! Аминь.

ОБ УЧИТЕЛЯХ И УЧЕНИКАХ (Фрагмент из Парижского кодекса 1188 + 1066)³⁷

Неискусный кормчий – готовое кораблекрушение, а несведущий игумен – погибель учеников.

Неопытный пастух испортил выи овец, а игумен – пути учеников. Не найти в тумане посреди овец неискусного пастыря, так и во время искушения не скажет полезного неопытный пастырь.

Военачальник в брани и врач для страданий – вот кто сведущий игумен: он либо не допустит ранения, либо раненого

быстро исцелит.

Непослушный ученик – кривое дерево, и он не выпрямляется, даже если его часто обличают.

Несогласный брат – словно расстроенная струна на лире и в общении выпадает из общей мелодии.

Трутень поедает общий труд пчел, и ленивый брат уменьшает добродетельное делание согласия.

Трусливый воин ослабляет руки соратников, и монах-бездельник уменьшает рвение братий.

Пчелиный улей трудится над сотами, и собрание братий – над Царством Небесным.

Труба возбуждает рвение воинов, а усердие монахов – учение о деятельной добродетели.

Вооружи, игумен, учениями своих братий и снабди их броней обетования будущих благ, вооружи щитом веры в подвигах и надень на голени доспехи надежды на Бога, обуь ноги в евангельские учения и препояшь им чресла увещаниями к целомудрию. Дай в руку меч против страстей горчайшей ярости и выстави против фаланги страстей наслаждения.

Упражняй этих тяжеловооруженных воинов относительно помыслов, чтобы они стали опытными в битве, и покажи им ужас поражения через угрозу вечного наказания. О победителе возгласи светлыми похвалами, ибо известно, что добрая слава делает еще более усердными, потерпевшего же поражение уврачуй сострадательно, ибо не хуже угрозы обращает разумного снисхождение к нему.

Не подвигайся в гнев на согрешившего ученика, ибо неприлично это – самого себя ранить прежде уврачевания другого, но беззлобно исправь его на лучшее. Ибо и врач лечит болезнь, а не царствует над невольно заболевшим. Производя сечения, врач это делает без гнева, и обличающий учитель пусть не примешивает к обличению гнев. Путь для бежавших из Египта ведет через пустыню, ибо недостаток руководствует начинающих в добродетели к воздержанию. Расположись станом, ибо таковые толкуются как ставшие у врат Элима, которые есть символ входа в добродетель, и покажи семьдесят финиковых пальм (Исх. 15:27). Устрой стан возле *двенадцати источников* (Исх. 15:27), ибо следует тебе финики объявить символом победы и пламень страстей утишить обилием имеющейся здесь воды. Пока не пройдем все чуждые народы и не войдем в землю обетованную, в которой будут жить, приобрета блаженную награду бесстрастия за труды – истинное веселье.

Комментарии

¹ Речь идет о блудной страсти.

² То есть с умом и законом ума (см. Рим. 7:23).

³ Слова *σύαγρος εἰρημικός* дополнены по рукописи.

⁴ Вместо *αναπέμπει* (воссылает) по рукописи читается: *αναπέμψει ποτέ* (не восшлет никогда).

⁵ В РС вместо этих слов: «Он смирен, а ты превыспрен».

⁶ По рукописи читается: *ἄλλαις και ἄλλαις*, то есть дословно «другими и другими».

⁷ В ТНС переведено буквально: «возделать собственные свои силы».

⁸ То есть в книге Исход – второй книге Пятикнижия Моисеева.

⁹ Вместо «в сражениях» (*εν πολεμοις*) у Миня по рукописи читаем: «в городах» (*εν πόλεσιν*).

¹⁰ В ТНС переведено буквально: «безвременные оскорбления».

¹¹ Рапсод – бродячий певец, декламатор, исполняющий отрывки из эпических произведений.

¹² Сия речь дополнена по рукописи.

¹³ В ТНС буквально: «молниеносным», можно перевести

как «огнем молнии».

¹⁴ Вместо «молитвы» (*εν πολεμοις*) по рукописи читается «внимательности» (*της προσοχής*).

¹⁵ В ТНС: «при развлечениях».

¹⁶ Перевод «Увещения к монахам» выполнен П.К. Добровцовым.

¹⁷ В ТНС: «свидетельство совести».

¹⁸ В ТНС: «Будь готов к скорбям, и приобретешь большую пользу».

¹⁹ В ТНС неверно: «Прилагай попечение о добродетели, потому что она любомудрием обновляет Адама».

²⁰ В ТНС неверно: «от праведных трудов (Притч. 3:9)».

²¹ Дословно: «отцы». В ТНС: «матери».

²² Вариант чтения: «ибо она соделала Воплотившегося ради нас своим орудием».

²³ В ТНС добавлено: «и подлежим наказанию».

²⁴ В ТНС «овен» и примечание: «Т. е. идущий впереди стада».

²⁵ Перевод «Глав увещательных» выполнен П.К. Добровцовым.

²⁶ В латинском переводе: «Переносить вину на невинного Бога есть грех».

²⁷ По рукописи читается: *τοσοῦτον νόμιζε* — «настолько

себя полагай».

²⁸ Последняя мысль дополнена по рукописи.

²⁹ Вместо *λοιδορούμενον* (которого ругают) по рукописи читается: *βδελυσσόμενον* (которым гнушаются).

³⁰ Слово «помыслы» дополнено по рукописи.

³¹ Вместо *πάθος* (страсть) по рукописи читается: *πόθος* (вожделение).

³² Слова «если это низко» и прочее дополнены по рукописи.

³³ Вместо *οὖν* («посему») по рукописи читается *σοῦ* («твой»).

³⁴ В Барбериновском кодексе дописано: «Ибо если прежде не окажется во многих упражнениях и трудах и в бранях не будет испытан, опытность не покажет в победе и трофеев победных не принесет. То насколько более – в отношении Небесного и Истинного Царя; небесные же дарования Святого Духа никто не сможет удостоиться принять, если прежде не будет упражняться в исполнении святых заповедей, и так принимая небесное оружие, сию благодать, будет бороться против лукавых духов. Ибо насколько он преуспеет в духовной брани, расцвет приемлет духовных тайн и сокровищ премудрости и насколько в благодати возрастает, настолько преуспевает и в различении порочных помыслов с помощью Владыки Христа, Которому слава и держава во веки веков. Аминь».

³⁵ По рукописи не читаются следующие за сим мысли.

³⁶ Перевод «Восьми сентенций» выполнен П.К. Доброцветовым.

³⁷ Перевод «Об учителях и учениках» выполнен П.К. Доброцветовым.